

11 коп.

8р
x91
I 517587

Д.М. ХРЕНКОВ

СЕРГЕЙ
ОРЛОВ

Д. М. Х Р Е Н К О В

СЕРГЕИ
ОРЛОВ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 6 4

На газетной полосе, на страницах журнала, на литературных вечерах происходят ежедневные встречи поэтов со своими читателями. И каждая такая встреча множит круг друзей советской поэзии.

На нашем снимке — ленинградский поэт Сергей Орлов. Как он живет, о чем думает, чем интересны его стихи, читатель узнает из этой книжки.

Комсорг танкового полка — молоденький розовощекий лейтенант — восторженно рассказывал о своем приятеле командире машины — поэте.

Мы стояли в траншее. Завтра поутру из нее должна была подняться пехота и пойти за танками в атаку. Лейтенант обращался ко мне, но говорил громко, кося светлый глаз в сторону молчаливо покуривавших стрелков. На только что прошедшей встрече боевого содружества танкисты и пехотинцы договорились о совместных действиях. Лейтенант произнес горячую речь. Теперь же, еще весь во власти пережитого волнения, даже не изменив интонации, он продолжал говорить о своих боевых товарищах. Каким-то внутренним чувством молодой офицер понял, что окопный народ не удивишь рассказами о храбрости. Наверное, именно поэтому он заговорил о своем друге-поэте. Комсорг настоятельно рекомендовал мне познакомиться с поэтом и, конечно, незамедлительно напечатать в нашей армейской газете его стихи.

Где-то за немецкими траншеями, напоминая о пожарах, только что отпыхавших в Ленинграде, медленно угасал закат. Солдаты разбрелись по землян-

кам и огневым точкам, а мы с комсоргом отправились на исходные позиции танкистов.

Небольшая рожица, вдоль и поперек исхлестанная артиллерийским огнем, просматривалась насквозь. Голые, с сорванными верхушками деревья напоминали театральные декорации.

Командиров машин мы не застали на месте. Вместе с механиками-водителями в эти короткие часы, оставшиеся до боя, они ползали по переднему краю, высматривали дорогу, по которой завтра предстояло повести машины.

Утром начался бой. Наши танки быстро перескочили траншеею, где накануне прошла встреча боевого содружества, но на буром торфяном поле попали под яростный огонь, и к нам, в окопы, ветер погнал клубы черного дыма. Несколько танков горели. Другие застряли в болоте. Всё кругом грохотало. В барабанные перепонки до ломоты в висках била ударная волна. Скрипел песок на зубах, а на душе было так тяжело, как бывало только на фронте, когда боевые действия складывались неудачно.

Вечером танкисты хоронили погибших товарищей. Я снова стоял подле комсорга полка. С его припухших щек минувший день согнал румянец. Закатное солнце окрасило легкие фанерные пирамидки — нехитрые надгробья военной поры. Прогремел нестройный залп. Танкисты разошлись, а мы с комсоргом еще долго сидели на поваленном дереве и молча следили, как со всех сторон лес всё ближе придвигается к свежим могилам.

Я заночевал у танкистов и утром вместе с комсоргом шагал вдоль опушки. Среди могучих сосен, словно слоны, закинув за спину длинные хоботы, дремали

тяжелые танки «КВ». В двух километрах погрохатывал бой. А здесь, заглушая тяжкое дыхание войны, весело звенела под выколотками сталь. Экипажи приводили машины в порядок.

У одной комсорг остановился:

— Где командир?

Танкист, колдовавший над чем-то в машине, высунулся из башни и выразительно ткнул большим пальцем вниз. Из танка отозвался натруженный, чуть приглушенный голос, словно тот, кто был внизу, держал на собственной груди всю эту многотонную махину.

— Не вовремя пришли, — виновато улыбнулся комсорг. — Ведь в сумерках нам снова — на исходные.

Но вместо того чтобы увести меня от стоянки, он крикнул:

— Сережа!

Из танка показалась голова в черном ушастом шлеме. Я увидел простое открытое лицо русского паренька, перепачканное то ли маслом, то ли сажой, с широким лбом, на котором прикипела прядь светлых, чуть с рыжиной волос.

— Здорóво, — ответил на приветствие танкист, нажимая на букву «о», и протянул мне руку:

— Орлов.

В тот день я впервые услышал стихи Сергея Орлова. Они были о вчерашнем, о том, что у всех у нас, участников боев за крохотную деревушку Карбусель, лежало на сердце:

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звёзды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних земель
Их послал в этот край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель,
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли..

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят..
В золотой тайге на зимовьях глухих
Красно-бурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым вслед не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну, а им еще б жить да жить!..

Прогремели орудия слово свое.
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до нее...
— Завтра мы возьмем Карбусель!

Эти стихи Орлов успел записать в толстую ученическую тетрадь. В ней было много исписанных страниц, но попросить ее я постеснялся, а автору было не до чтения.

Прошло несколько дней.

Как-то, возвратившись в редакцию с переднего края, я увидел в одной из наших землянок Сергея Орлова. Вокруг него собрались все свободные от забот по выпуску очередного номера газеты. В этой землянке жил Лев Ильич Левин, до войны известный ленинградский критик, ставший сперва минометчиком, а затем перешедший работать к нам в редакцию. Его землянка

давно превратилась в клуб начинающих литераторов. Их оказалось в нашей армии немало, и в этом был «повинен» Лев Ильич: он обладал завидным умением выискивать способных людей.

Сергей Орлов читал свои стихи. Читал плохо. Глуховатый голос его срывался. Поэт то и дело заглядывал в толстую тетрадь, и со стороны могло показаться, что читает он вовсе не свои стихи, а чужие, чуть ли не по складам разбирая почерк.

Улучив удобную минуту, Лев Ильич мягко остановил Орлова, взял из его рук тетрадку:

— Позвольте мне, Сережа.

Он читал:

Ревут моторы на подъемах,
Дрожит, покачиваясь, лес...
Идут машины, словно громы,
Сошедшие с крутых небес.

Колышется под ними лето,
От ветра клонятся кусты...
И молнии лежат в кассетах,
Из звонкой меди отлиты!

Голос Льва Ильича звучал торжественно, а вид у него в эти минуты был такой, словно он, единственный из нас профессиональный литератор, хотел сказать: «Запомните этот день, друзья. Вы знакомитесь с настоящим поэтом».

Страницу за страницей переворачивал Левин. Мы слышали «порохом пропахнувшие строки», и было в них что-то еще такое, что притягивало сильнее, чем точность описания. Ну конечно же, стихи были о знакомом, всеми нами пережитом, но волновали не только

поэтому. Они были о том, о чем думал каждый и о чем мы редко говорили вслух.

У смущенного нашим вниманием Орлова отобрали на время тетрадку, и пока в землянке кипели споры о поэзии, редакционная машинистка перепечатала стихи.

Вскоре в нашей газете «Ленинский путь» появилась подборка стихов Сергея Орлова. С той поры молодой поэт стал печататься у нас часто. Мы подружились. Орлову не часто удавалось урвать время, чтобы приехать в редакцию. Да и в полку, когда встречались, времени на разговоры оказывалось немного. Но почти в каждую встречу Орлов читал нам свои новые стихи.

На нашем участке фронта то затихали, то с новой силой вспыхивали бои. Танковый полк Сергея Орлова находился в резерве главного командования. Его постоянно перебрасывали с одного участка на другой, и танкистам выпадали передышки только для того, чтобы отремонтировать машины.

И тогда, на войне, в сутках было двадцать четыре часа. Они летели стремительно, соперничая в скорости с танками, вырвавшимися после изнурительных боев на оперативный простор. Но каждый фронтовой час обладал удивительной емкостью. Границы его порой раздвигались поистине сказочно. В течение часа войны менялись характеры, — юные становились седыми, робкие — храбрецами, сильные — слабыми.

За месяцы, проведенные на фронте, Сергей Орлов внешне изменился мало: чуть похудел, вытянулся, от постоянного недосыпания светлые глаза потемнели. Вологодский говорок его стал медленней. Казалось,

теперь, прежде чем произнести слово, молодой танкист пробует его на вес точно так, как в танке снаряд, когда садится на место башнера и готовится сделать выстрел.

Он увидел многое. О войне наше поколение знало до этого только по книгам да фильмам, рассказам отцов и дедов. Мерки, с которыми мы готовы были подойти к оценке разных явлений, нередко оказывались негодными. Жизнь учила и переучивала нас.

Нелегко оказалось восторженному юноше Сереже Орлову пройти первые шаги солдатской науки. Но рядом были товарищи. Молодой танкист всё время чувствовал их дружескую руку. Они помогали осваивать и грамматику боя и алгебру жизни.

В один из дней мы узнали, что машина Сергея Орлова с сорванными гусеницами остановилась между нашими и немецкими траншеями. Несколько бессонных ночей провел он с друзьями на «ничейной» земле и всё-таки отремонтировал ее и увел за наш передний край, сохранив для новых атак.

А в заветной тетради всё прибавлялось стихов.

Эта тетрадь, как дневник, рассказывала о том, что происходило в полку, что волновало ее владельца, его однополчан. На ее страницы заносились беглые зарисовки, раздумья, просто слова, найденные «в воронке под огнем». Чуть позже поэт скажет об этом сам:

Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска...
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках.

Это не просто метафора. От фронтовых стихов Сергея Орлова действительно веяло и порохом, и

дымком коротких солдатских привалов, и горьковатой гарью газойля. Они несли на себе печать напряженных поисков, — поисков слов, средств выразительности, нужных для того, чтобы точно передать мысли и чувства. Молодой поэт уже тогда хорошо понимал: однополчане могут простить ему поэтическую погрешность, но фальшь — никогда.

Шли дни. Розовое солнце, выкупанное в Ладоге, всходило за нашими окопами и падало где-то за немецкими позициями, полнеба заливая красным, тревожившим душу цветом. Ветер нес к нам в траншеи то опаленную огнем листву, то пригоршни колючего снега, то дышал медвяным запахом давно некошенных лугов.

С южных фронтов приходили вести о победных наступательных боях наших армий. Мы завидовали своим друзьям, сражавшимся на юге, и твердо верили: пробьет наш час и под Ленинградом. В каждую встречу Орлов спрашивал нас об одном: «Вы поближе к началству; скоро ли?».

Надежда помогала жить, переносить бесчисленные тяготы, мириться с тем, что в землянках всегда по щиколотку стояла вода и, чтобы обуться в сухое, приходилось подвешивать сапоги под потолок.

И вдруг в пасмурный январский день грянул гром тысяч орудий. Земля вздрогнула и закачалась под ногами от Ильмень-озера до Ладоги, от Ораниенбаума до Мги.

Наконец-то довелось Сереже Орлову пробиться на танке к той самой Мге, о которой он столько писал в своих стихах!

Мга встретила нас уныло торчащими из-под черного снега печными трубами. Они возвышались над

истерзанным городком, как памятники человеческому жилью. Мы долго видели их, спеша по размятой гусеницами и сотнями ног дороге, звавшей нас далеко от насиженных за три года мест.

В те дни Орлов часами не выходил из танка. Машины заправлялись прямо на поле боя, и, пока механик-водитель заливал в баки горючее, а башнер укладывал боезапас, командир не отрывал глаз от смотровой щели.

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

Не довелось Сергею Орлову дойти до Берлина и Вены. Помнится, мы встретились с ним в последний раз на фронте в разгар нашего зимнего наступления 1944 года. Это было под Новгородом.

Сергей вылез из танка, огушенный выстрелами, прокопченный дымом. На лице выделялись только глаза в красных обводах. Они слезились.

— От снега, — сказал мне Сергей, хотя снега на много километров в округе были, как окалиной, прирушены копотью.

Впереди, над зубчатой решеткой леса, словно сигналы бедствий поднимались черные султаны дыма. Горели новгородские сёла.

Мы успели переброситься несколькими словами. Над дорогой, сердито шипя, взлетела зеленая ракета. Сергей заторопился, протянул было мне тетрадь со стихами, но тут головная машина тронулась, хлопнули люки в других, и танки, набирая скорость, соскочили

с дороги и полем, напрямик, помчались к лесу, выбрасывая впереди себя длинные красные жала выстрелов.

Через несколько часов я случайно набрел на штаб танкового полка. Мне сказали, что машина Орлова была подожжена прямым попаданием снаряда. Орлов был тяжело ранен и сгорел бы в танке, не подоспей товарищи. Обожженного, потерявшего много крови, его увезли в медсанбат, и не было уверенности, удастся ли врачам выходить его.

Комсорг полка Саша Митусов протянул мне знакомую тетрадь. Я отказался взять ее. Не хотелось верить, что в ней уже не появятся новые стихи. Жила во мне непоколебимая уверенность в том, что, как ни опасны раны, Сережа выдюжит, а став на ноги, прежде всего постарается разыскать свой полк. Где же, как не в полку, храниться этой летописи нашего нелегкого похода?

Через год после окончания войны в Ленинграде вышла первая книга стихов Сергея Орлова. Она называлась «Третья скорость». Основу ее составили стихи из той самой тетради, которую всюду возил с собой молодой поэт. Друзья берегли ее в течение долгих месяцев, пока врачи вели борьбу за его жизнь.

В одной из статей о Пушкине Виссарион Григорьевич Белинский отметил, что достоинство поэзии состоит в том, что «она не кладет на лицо жизни белил и румян, но показывает ее в ее естественной, истинной красоте».

Вряд ли к началу Великой Отечественной войны Сергей Орлов, успевший окончить десятилетку и стать студентом первого курса Петрозаводского университета, внимательно прочитал Белинского. Но эти строки великого критика приходят на память, когда раздумываешь над фронтовыми стихами Орлова, да и не только его, а почти всех его товарищей, шагнувших в поэзию из стрелковых рот, танковых экипажей, госпиталей.

Трудно найти в нашей литературе другой такой период, как годы Великой Отечественной войны, — период, который выдвинул бы одновременно столь большой отряд разных по дарованию, но вместе с тем удивительно цельных по миропониманию поэтов.

Война была суровой, подчас жестокой школой. Не всем талантливым ученикам довелось окончить ее. Иные из них сложили головы, не успев написать своих лучших песен. В беспредельных стенах этой школы быстрее обычного формировалось мировоззрение, мужали характеры, зрело стремление как можно лучше служить общему делу своей страны. Солдаты по гражданскому долгу, они, молодые поэты, и в литературу приходили бойцами. Каждый из них с полным основанием мог сказать о себе:

В чем угодно
буду сомневаться,
В революции,
товарищ, —
никогда.

За их плечами был опыт, на приобретение которого в иных условиях требовались не годы, а десятилетия. Нормы поведения, звучавшие как красивые заповеди,

звонкие лозунги, на войне обретали плоть и кровь, становились законами каждодневного бытия. В литературу пришли люди, вынесшие на своих плечах бремя войны, не имевшие права промолчать, довольствоваться только почестями, вполне ими заслуженными. Они не могли не рассказать «о времени и о себе».

В этом, мне кажется, важнейшая особенность поколения поэтов, рожденного войной. Она, эта особенность, предопределила не просто твердость их идейных позиций, но и особую цельность творческих характеров, особую сопричастность ко всему, чем жил народ.

Как и все его погодки, Сергей Орлов не занимался специальным изучением жизни, поисками тем для своей поэзии. Жизнь сама взяла его в переделку, поставила на ноги, раскрыла перед ним истинные ценности. Он не наблюдал героев своих стихов с позиций человека, находящегося в творческой командировке, а сам был в их строю, ел с ними из одного котла, спал под одной шинелью, делился последней щепотью махорки.

Жизнь дала ему оружие, острое, хорошо пристрелянное. Но это оружие могло остаться нерасчетленным, могло и стрелять холостыми. Нужны были талант, мастерство, чтобы привести его в действие на полную мощь.

Человек, лишенный способностей, всегда останется ремесленником, как бы ни высоко было его техническое умение. Можно великолепно освоить тайны ремесла, можно, заглянув в кладовые поэзии, вытащить на свет многое из того, что по тем или иным причинам находилось в сравнительно малом употреблении.

И всё-таки фейерверк наимоднейших рифм, серпантин ошеломляющих сравнений, виртуозность ритмических построений, то есть всё то, что, казалось бы, необходимо поэзии, как крылья птице, может обернуться шукачеством, может в лучшем случае оставить читателя удивленным, но не взволнованным, если все эти упражнения не поставит на службу главному — точнее, глубже, ярче донести мысль, способную взять нас в полон, увлечь, окрылить.

Хорошо сказал об истинной природе поэзии французский поэт Рэмон Кено:

Возьмите слово за основу
И на огонь поставьте слово,
Возьмите мудрости щепоть,
Наивности большой ломоть,
Немножко звезд, немножко перца,
Кусок трепещущего сердца
И на конфорке мастерства
Прокипятите раз, и два,
И много-много раз всё это.

Теперь пишите! Но сперва
Родитесь всё-таки поэтом.

Сергей Орлов родился поэтом. Уже первые его стихи свидетельствовали об этом, хотя отсутствие мастерства было видно невооруженным глазом.

Время после войны было временем встреч. Возвращались из походов солдаты, жёны встречали мужей, дети — отцов. Люди самых мирных профессий — бухгалтеры и учителя, садоводы и каменщики — приезжали в родные края с орденами и медалями во всю грудь.

Читатель встречался с новыми именами. Одна за другой выходили книжки поэтов, рожденных войной. Строки этих книг обжигали сердца и откровенностью

чувств и правдой изображения того, что происходило на поле боя. Молодые поэты рассказывали не столько о громе сражений и блеске орудийных молний, сколько о человеке на войне. Как не согласиться с Орловым:

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанном жалеть..,

Каждая новая книжка находила живейший читательский отклик. М. Луконин и М. Дудин, А. Межиров и А. Недогонов, С. Гудзенко и С. Наровчатов... Круг имен всё ширился. Это были люди схожих судеб, но разных индивидуальностей. Они, особенно на первых порах, писали об одном, но каждый по-своему, счастливо дополняя друг друга. Их можно сравнить с художниками, работающими над грандиозной панорамой. Воодушевленные одной целью, они шли к ней своими путями, достигали ее только им одним присущими средствами.

Молодые поэты смогли быстро набрать силу, вернуть свои способности, потому что опирались на опыт исполненной мужества поэзии Николая Тихонова, эпический дар Александра Твардовского, проникновенную лиричность Михаила Светлова, песенную стихию Александра Прокофьева, железные ритмы Владимира Луговского. Они знали особенности «почерков» Бориса Корнилова и Павла Васильева. А за этими непосредственными учителями стояли такие гиганты, как Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Эдуард Багрицкий...

И разве можно не сказать еще об одной причине! Мы обычно понимаем ее как нечто само собой разумеющееся. А между тем она-то и позволила ученикам

пройти, как надо, весь «курс наук»: молодые поэты были воспитаны советской властью, и это предопределило их позицию и место в жизни.

Вспомним литературу периода первой мировой войны и после нее. На книжный рынок тогда хлынули романы, повести, рассказы, стихи об ужасах войны, о людях, опустошенных, бессильных морально и физически.

В капиталистическом обществе эти люди были уподоблены отработанному пару. Они выполнили свой солдатский долг, и больше до них не было никому дела. Даже в том случае, если на фронте они жили какими-то высокими идеалами, послевоенные годы тотчас развеяли их.

Один из героев Ремарка говорил о своем поколении:

«Мы хотели было воевать против всего, что определило наше прошлое, — против лжи и себялюбия, корысти и бессердечия; мы ожесточились и не доверяли никому, кроме ближайшего товарища, не верили ни во что, кроме таких никогда нас не обманывавших сил, как небо, табак, деревья, хлеб и земля; ну что же из этого получилось? Всё рушилось, фальсифицировалось и забывалось. А тому, кто не умел забывать, оставались только бессилie, отчаяние, безразличие и водка. Прошло время великих человеческих и мужественных мечтаний. Торжествовали дельцы. Продажность. Нищета».

Многие вчерашние солдаты, не найдя места под солнцем, лишённые мужества, необходимого для борьбы за свои права, ещё теснее замыкались в узких границах фронтового товарищества.

Поколение советских поэтов, рожденное войной, с первого выхода к читателю повело наступление против того, что потом мы стали называть ремаркизмом. Они ни на минуту не теряли локтевой связи с обществом, то есть со всем народом, — и той частью его, которая была одета в шинели, и той, что работала во имя победы в тылу.

«Мудрость приходит к человеку с плечами, потертыми винтовочным ремнем, с ногами, сбитыми в походах, с обмороженными руками, с обветренным лицом...» — записал во фронтовом дневнике Семен Гудзенко. Эта мудрость продиктовала ему строки, которые он сказал от имени своего поколения:

Мы поклонимся в ноги родным исстрадавшимся людям,
Матерей расцелуем и подруг, что дождались, любя.
Вот когда мы вернемся и победу штыками добудем —
Всё долюбим, ровесник, и работу найдем для себя.

За тысячи километров от Гудзенко, у нас, под Ленинградом, воевал Георгий Суворов, но те же мысли рвались в строки его стихов: «Свой добрый век мы прожили как люди — и для людей».

Семену Гудзенко довелось увидеть нашу Победу, хотя фронтовые раны напомнили о себе и врачи не смогли спасти поэта. А Георгий Суворов был сражен вражеской пулей под Нарвой, так и не успев написать своих лучших произведений. Но выпавшее из рук его перо было подхвачено другими, и то, что не смог сказать поэт, принесли читателю его друзья и ровесники:

Но мы живем на зависть всей земле!
И дерзости в простых сердцах у нас
Огонь неистребимый не угас.

Хочу, чтоб мысль и кровь друзей моих
Вошли в суровый откровенный стих,
Чтоб он неправдою не оскорбил
Торжественную тишину могил.

Так писал Михаил Дудин, поэт нелегкой солдатской судьбы.

Несколько иначе, но в общем о том же, о моральном кодексе солдата, писал в тугих, как сильная пружина, строчках Михаил Луконин, рассказывая, скажем, о возвращении с войны:

Но лучше прийти с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.

Все эти поэты, пришедшие в литературу в дни Великой Отечественной войны, учились у своих старших товарищей. Но не повторяли их. Очевидцы событий и непосредственные участники их, они, конечно, ставили перед собой задачу возможно ярче и полнее запечатлеть события и факты, но каждый раз, когда мы перечитываем эти стихи, перед нами не только общая картина войны, но главным образом ее отдельные подробности, — и прежде всего те, которые связаны с поведением на поле боя солдата, с его многообразными связями — как в тесной семье однополчан, так и широкими, простирающимися буквально на все стороны жизни страны и даже за ее пределами. Мы узнаём, как он любит, с кем дружит, что думает по тому или иному поводу, не всегда прямо связанному с военными действиями. Очень часто перед нами — человек, не желающий довольствоваться готовыми формулировками. Он стремится всё испытать, проверить, выяснить

и прийти к какому-то выводу. Это добрый товарищ, готовый каплю за каплей отдать кровь за общее дело, нежный и заботливый друг, способный, не моргнув глазом, пойти на подвиг. Мы были знакомы с ним прежде. В послевоенной поэзии образ его приобрел дополнительные измерения и от этого выиграл, стал крупнее, объемнее, ярче.

Конечно, заслуга в создании такого образа принадлежит не только молодым поэтам. Можно ли умолчать об Александре Твардовском, написавшем своего Василия Теркина? Разве не об этом думал Александр Прокофьев в своей «России» или Николай Тихонов, Михаил Светлов и многие другие поэты старшего поколения? Видимо, именно потому, что вся наша поэзия переживала высокий взлет, молодым было легче развернуть свои способности и успешно справиться с той задачей, которую они перед собой ставили. Совместными усилиями поэзия выходила на широкую дорогу и приобретала силы подлинной властительницы дум народных.

В этом мощном потоке ручеек поэзии Сергея Орлова не затерялся. Он был обозначен своим цветом и, умножая силу общего потока, обогащал его красками, непохожими на все остальные.

Помню, как только появился сигнальный экземпляр «Третьей скорости», Орлов пришел на Невский, дом 2, где в ту пору находилась редакция газеты «На страже Родины». Книжка была очень скромная: газетная бумага, неяркая обложка, формат самый маленький. Но вот мы стали читать ее, и почудилось, что смолкли трамваи, улицы города растворились, исчезли, и мы снова оказались подо Мгой, почудилось, что в уши снова бьет ударная взрывная волна, на зубах поскрипывает песок,

а в редакцию пришли ребята из танкового полка — те, что взяли в конце концов Карбусель, и те, что не дошли до нее, и те, что сейчас пашут землю, строят дома и берегут в комодах ордена да медали.

«Третья скорость» — книга о войне, вернее — о солдате на войне. Мы не найдем в ней развернутых картин боев, рассказов о выдающихся подвигах. Нет в ней и точных портретных характеристик. Герой книги чаще всего безымянен. Как капля сохраняет в себе запахи океана, так строчки стихов Сергея Орлова помогают нам понять душу простого солдата, выигравшего великую войну.

Чаще всего с этим солдатом на страницах книги мы встречаемся в весьма будничных обстоятельствах. Вот он вздремнул у костра. На усталом лице застыла улыбка: «Знать, привиделась парню во сне» любимая. Но «сигнал пролетел над леском», и солдат поднялся над костром.

Он спросил, как обычно: «Пора?»
Под ногами взметнулась зола,
И к машине ушел от костра,
Зачерпнув на дорогу тепла.

Мы знаем, что солдат отправляется в бой, хотя непосредственно в бою его не увидим ни в этом стихотворении, ни в другом. Однако поэт так рассказал о нем, что у нас не остается никаких сомнений: танкист в бою не подведет, он, лишенный бравады и картинности, является подлинным героем войны.

Чем дальше мы будем читать книжку, тем больше укрепимся в этом мнении, хотя и потом ни разу не услышим от поэта подсказку: «Это герой» или «Вот

образец для подражания». Стихи Орлова лишены прямой, навязчивой назидательности. На первый взгляд может даже показаться, что поэт ограничивает свою роль лишь воспроизведением какого-то эпизода, картинки фронтового быта и предоставляет читателю самому делать вывод. Но так может показаться лишь при не очень внимательном чтении. Нет, Орлову вовсе не безразлично, какой вывод будет сделан. Он подводит читателя к этому выводу, чрезвычайно умело пользуясь деталью, безошибочно найденной краской.

Вот стихи «После марша». В них всего восемь строк. Но как много говорят они читателю! Только что танкисты закончили утомительный марш. Еще «броня от солнца горяча», и нет у солдат более сильного желания, чем «стянуть комбинезон с плеча и — в тень, в траву». Поэт не скрывает этого, но тут же, словно мимоходом, замечает, обращаясь к товарищу по походу: прежде чем «в тень, в траву»,

Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы всё перенесем с тобой —
Мы люди, а она стальная.

В этом «мы люди», в этой удивительно точно найденной интонации человеческой гордости, сосредоточен мощный поэтический заряд. Он пущен в ход и предопределяет вывод, который должен сделать читатель.

Фронтовые стихи Орлова полны точных наблюдений. В них — суровая правда. Война для Орлова — это тяжкая работа, это неизбежные потери и расставанья, кровь и пот. Он не предпринимает попытки запугать читателя, но и не отходит в сторону, когда нужно сказать о жестоком и тяжком:

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин «КВ» ушло в атаку.
Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.
Ключьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.
Влили водки им во рты ребята,
На руках снесли до медсанбата,
Молча у носилок постояли,
И ушли туда, где танки ждали.

Это очень характерные строчки для фронтовых стихов Орлова. Обращает на себя внимание лаконизм письма и сдержанность в расходовании изобразительных средств. Стихи просты как сам подвиг тех, о ком они рассказывают. А между тем эта сдержанность и создает ту особую атмосферу, благодаря которой читатель вдруг начинает чувствовать себя в какой-то мере соавтором поэта, ибо Орлов предоставляет ему возможность додумывать о том, что произошло на поле боя.

Точность бытовых подробностей, бережное расходование красок при описании героических поступков содействуют в стихах Орлова с романтически приподнятой речью, гиперболизацией некоторых внешних образов, рисующих общий фон жизни и боевых действий танкистов:

Идут солдаты, от сапог
До плеч белы в пыли,
Среди исхоженных дорог
По лону всей земли.

Танки у него идут в атаку, «словно грома, сошедшие с крутых небес». Если поэту нужно отметить, как

ведут себя летним днем кузнечики в траве, он не напишет «стрекохут», а скажет: они «стучат в траве, как танки»; если рассказывает о тишине перед наступлением, мы прочтем:

А здесь, в окопах, на переднем крае,
Была такая всюду тишина, —
Казалось нам: оглохшая, слепая,
Устав от шума, спать легла война.

Если описывает атаку на рассвете, то показывает, что солдаты штыками раздвигают тьму, «как бы дорогу для светила прокладывая в злом дыму».

Но всё-таки не эти описания, как бы хороши они ни были, прежде всего красят фронтовые стихи Орлова. Главное достоинство их — образ обыкновенного, если можно так выразиться, героя войны. Он, этот герой, живет в стихах от атаки до атаки, мечтает о тепле и письмах, но не согласится отдать «огонь бивака за все удобства на земле» до тех пор, пока не добудет победу. Грустный и веселый, он всегда цельный, всегда располагает к дружбе, всегда аккредитован у читателя доверием, ибо во всем, чем он живет, как думает и поступает, он — носитель лучших черт, присущих советскому человеку. Простая песня трогает его до глубины души и согревает, как золотой огонек костра. Он мечтает о встрече с девушкой и верит в ее любовь:

Пусть четыре года разлуки,
Мы, друзья, подождем еще.

Он смел и терпелив, чист душой и трогателен в общении с товарищами, ему органически чужда кичливость. О себе он рассказывает скупой, неохотно и отнюдь не

склонен переоценивать значение своих поступков. Он всё пройдет, всё вынесет, понимая, что если не он, так кто же отстоит честь Родины? Он неохотно говорит о своей преданности стране и народу. Зачем слова? Самой жизнью своей он расписывается в этой верности. Ведь где бы он ни был и что бы ни делал — «всегда одна» и «всегда видна» ему звезда «в пять пламенных лучей». Он скромнен, но скромность эта не мешает ему понимать истинную ценность вещей:

Как самое великое творенье
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщенье
О путь-дороге нашего полка.

Так по черточкам, по мазкам создается портрет солдата. Поэт подведет нас к сгоревшему танку, и мы вместе с ним заглянем в башню. Тут за великую правду погибли его боевые друзья, погибли так, как когда-то умирали за нее на кострах Ян Гус и Джордано Бруно, «богохульную истину смертью своей утверждая». А потом поэт расскажет нам о песне, которая отогревает сердца, о «негромкой и суровой, в огне проверенной стократ» солдатской дружбе, не нуждающейся в словах, ибо она, эта

Солдатская простая дружба —
Как папираса на двоих.

В «Третьей скорости» много хорошо сработанных стихов. Книга свидетельствовала о том, что в нашу поэзию пришел не подголосок, а запевала с голосом сильным и чистым. Об этой книге было немало написано хороших слов. Нет нужды их повторять. Но

хочется обратить внимание читателя на одно стихотворение из этой книги, позволяющее представить и некоторые особенности творческого почерка поэта, уровень его мастерства, и, наконец, степень одаренности автора. Это стихотворение уже давно стало хрестоматийным. Как пик в горном хребте, возвышается оно в поэзии Орлова. Многие стихи «Третьей скорости» воспринимаются как добротные и талантливой рукой сделанные заготовки для замечательного стихотворного памятника солдату, который Сергей Орлов воздвиг в шестнадцатистрочном стихотворении «Его зарыли в шар земной». В этих строчках сказались все лучшие стороны дарования поэта — масштабность мысли, яркость образов, та ясность и простота речи, о которой любил говорить Пушкин, характеризуя достоинства русского языка.

Верится, придет время, и на многих памятниках советским воинам, павшим за землю свою, будут отличны эти чеканные строчки, где каждое слово будто патрон в обойме:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Громá тяжелые гремят,
Ветра́ разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...

Не напиши Орлов ничего другого, имя его непременно вошло бы в нашу поэтическую летопись.

Чем же замечательны эти стихи?

На поле боя тысячи воинов совершили подвиги. Их имена навсегда останутся в нашей памяти, а дела будут служить примером для новых поколений. И всё-таки, как ни велики их заслуги, не только они одни выиграли войну. Мы не смогли бы победить, если бы из-за спины одного героя не вставали тысячи солдат, готовых повторить и повторявших его подвиг. Они, эти встававшие «несметной силой» люди, в конечном счете вершили и успех каждой фронтовой операции и исход войны в целом. Они — это сам народ.

Как видим, сама по себе мысль, увлекшая поэта, отнюдь не новая. И, если попросту зарифмовать ее в таком же примерно изложении, как это сделано выше, — стихи никого не тронут. Художник «по роду службы» — первооткрыватель. Он должен уметь показать нам великое в малом, бросить на обыденную, казалось бы, картину сноп лучей так, чтобы тотчас «заиграли» все ее краски, и мы остановились бы очарованные тем, мимо чего минуту назад проходили равнодушно.

Одна из особенностей воздействия поэзии на читателя в том и состоит, что она увлекает нас не просто мыслью, но мыслью, соответствующим образом оснащенной в творческой лаборатории поэта.

Перед Орловым был широкий выбор красок. К его услугам был весь арсенал ритмов, сравнений, метафор. Он выбрал на первый взгляд самые простые и скромные средства поэтической выразительности, ибо стремился к тому, чтобы стих, его конструкция, ритмика

были бы также предельно простыми, понятными всем и каждому.

Форма стихотворения близка к образцам народного творчества. Это особенно заметно на первых четырех строчках. Они выстроены примерно так, как строятся былины. У народа-языкотворца Орлов заимствовал эту четкость ритмики, напевность, кажущуюся неторопливость повествования с ее весьма характерными повторами («А был он лишь солдат, всего, друзья, солдат простой»). Запев предельно лаконичен, а художественные средства — скупы. Этот запев потребовался поэту для того, чтобы контрастнее, ударнее были следующие строки, несущие главную смысловую нагрузку. Стараясь показать читателю величие солдатского подвига, Орлов выбирает масштабный, прямо-таки космический образ: «Ему как мавзолей земля». Может быть, не все читатели сразу представят себе этот образ — земля как мавзолей, но вот стихи прочитаны, и чем больше мы раздумываем над ними, тем глубже понимаем, что иные слова тут, пожалуй, и не годились бы. В самом деле, солдат, сложивший свою голову, сделал так много для народа, страны, человечества, что отныне спасенная от фашистской чумы земля будет ему мавзолеем. Думается, что сравнение «земля как мавзолей» не имело бы той силы воздействия на читателя, если бы слово «мавзолей» не было в сознании народном освещено особым светом.

Развитие этого образа дальше в стихотворении идет с нарастающей силой и с завидной логической стройностью. Если земля — мавзолей, да еще на миллион веков, то нас уже не удивляет то, что «Млечные Пути

пылят вокруг него», что на скатах «тучи спят» и «ветра́ разбег берут».

К концу стихотворения эти «космические» средства выразительности снова вдруг как бы приземляются (но не становятся приземленными!). Космическое и земное идут в ногу, помогая читателю представить всю картину не отвлеченной, а реальной, зримой.

Всё стихотворение с его некоторой гиперболизацией образов звучит торжественной, начисто лишенной ложной патетики одой. Поэт умело снимает патетику очень точно найденными добавочными красками. Крупномасштабные Млечные Пути у него «пылят», тучи спят не просто на скатах, а на «рыжих скатах», и т. д. Всё это придает образу земную конкретность.

Стихи «Его зарыли в шар земной» свидетельствовали о том, что С. Орлов обладает счастливым даром — поэтически мыслить. Они говорили и о том, что ему немало отпущено, но только работа и время могли по-настоящему проверить, стихотворец он или нет. Нужно было трудиться, не переоценивать первые успехи, не утратить драгоценное чувство ответственности, когда сдается, что каждым новым стихом держишь экзамен перед читателем.

Отгорели в майском небе многоцветные сполохи победных салютов. На землю, изрытую, словно оспинами, воронками от снарядов и бомб, исполосованную окопами, окропленную кровью, пришла мирная жизнь.

«Сто нерусских — зеленых и синих» рек пересек

герой поэзии Сергея Орлова, прежде чем снова возвратился в отчий край. Он «видел Вену, Прагу золотую. Нежные паненки улыбались в Кракове ему напропалую. Шел он по проспектам Бухареста и по тесным улицам Софии».

Из дальних мест ехал солдат домой. Прильнув к окну вагона, он жадно, ненасытно глядел, как «рябины, словно флаги, пламенеют по лесам» и особенно остро «почувствовал в разлуке, что значит для него земля».

...Да, она много значит для нас, земля. Мы не часто говорим об этом. Видно, такова уж особенность русского характера. Но дума о ней всегда с нами, всегда согревает. Родная земля — это и поле, засеянное рожью, и лесная опушка, где, подоткнув зеленые подошвы, ведут хороводы белоногие березки, и речка, которая ласково, как котенок, выгнув горбатую спину, трется о бронзовые колени сосен, и города, воздвигнутые нами. Здесь ты родился и вырос, здесь покоятся те, кто добывал советскую власть и отстаивал ее в боях, кто научил тебя любоваться всем, что вокруг. Вот что такое родная земля!

Когда-то про иных писателей говорили: он хорошо чувствует землю. Предполагалось при этом, что автор пишет главным образом на сельские темы. Ныне понятие «земля» стало ёмче. Это — и земля-кормилица, и поле самого многообразного подвига, и милая пристань, огни которой весело светят космонавтам.

И всё-таки чувство земли далеко не всем нам дается при рождении. Оно приобретается, и одним бывает отпущено полной мерой, другим — в пределах обычных книжных знаний. У Сергея Орлова это чувство развито

сильно. Неудивительно, что им наделены и герои его поэзии. В связи с родной землей, с ее лугами и лесами, реками и полями, с людьми, работающими на ней, — один из самых главных источников вдохновения для Сергея Орлова.

Нет ничего удивительного в том, что, едва став на ноги в далеком тыловом госпитале, списанный по инвалидности, танкист отправился в родное Белозерье. Как и до войны, высокие сосны раздумчиво покачивали над бревенчатыми избами свои зеленые веера. Но война ворвалась и в этот далекий лесной край. Она увела из колхозов главную рабочую силу — мужчин, принесла сюда бесчисленные похоронные, подорвала хозяйство, заставила безусых юнцов стремительно повзрослеть, а всех людей — научиться глубже ценить всё, что раньше они не то чтобы не ценили, а просто воспринимали как раз и навсегда данное. В годину суровых испытаний народ живет проще, ярче обнажаются лучшие стороны его характера.

В этом Орлов убедился на фронте. Но там он видел главным образом одну сторону народного характера, ту, что особенно нужна была на войне: постоянную готовность к подвигу, презрение к смерти, святую преданность своей советской земле. Общась с земляками в Белозерье, он познавал народ всестороннее и глубже. Нет, он не умилялся. Умилением можно было лишь оскорбить тех, кто выращивал хлеб и катал для солдат валенки, сплавлял лес и сутками не выходил из цеха, выполняя фронтовые заказы.

Орлову трудно было помочь землякам. Искалеченным рукам не подчинялись ни лопата, ни рычаги трактора. Он работал диспетчером технического участка.

Но фронт научил его ценить слово, и не только поэтическое. Простое слово участия и совета, слово агитатора, отогревало сердца, заражало энергией. Уже тогда Орлов хорошо понял то, что потом четко сформирует в стихах: «Человеку холодно без песни». Орлов выполнял обязанности, не предусмотренные ни одним перечнем работ, никаким штатным расписанием. Его можно было бы назвать пропагандистом, но никто, кроме собственного сердца, не уполномочивал его на эту работу. Не ошиблись бы и те, кто назвал бы его консультантом безрукого председателя колхоза, такого же фронтовика, как и сам Орлов, но эти беседы двух ветеранов мало походили на консультации. Просто друзья ежедневно сходились в конце рабочего дня и, дымя самокрутками, думали вслух о том, как побыстрее, до дождей, скосить траву на заливном лугу или помочь солдатке залатать разворошенную ветром крышу.

Жизнь в Белозерске обогащала молодого поэта впечатлениями, позволяла ему заглянуть в души людей и увидеть в них бесценные россыпи таланта, доброты, отзывчивости...

Немалую часть времени, прожитого в родных краях, Орлов проводил на озере. Уже в ту пору он был завзятым рыболовом. И всё-таки не рыбная ловля уводила его сюда, на сверкающее зеркало тихого озера в темной оправе близко подступающих лесов. Чаще всего, бросив удочки и вёсла, он размышлял над стихами. Озеро было первым рабочим кабинетом Орлова.

То ли время было такое, то ли молодость была виной, но никогда ему не работалось так хорошо, как тогда. И дело совсем не в количестве стихов, написанных на Белом озере. Их могло быть больше или меньше,

не это важно. Главное — в другом, в том, что поэт сумел разобраться в ворохе впечатлений, осмыслить их.

Война близилась к концу. Как и все, Орлов не ложился, не прослушав сводки с фронта, а поутру прежде всего бежал к давно осипшему репродуктору и снова, уняв бьющееся гулко сердце, слушал бодрый голос Москвы. Друзья доколачивали врага в его собственном логове. Скоро они возвратятся из дальних походов, и перед ними нужно будет держать ответ за то, что успел сделать, за то, чему решил посвятить себя.

Орлов понимал: суд однополчан будет строгим...

В один из майских дней 1945 года Орлов вместе с другим бывшим солдатом, по обыкновению с утра, отправился на озеро. В полдень от берега отделилась другая лодка. Гребцы не жалели ни сил, ни голоса. Лодка, оставляя за собой чуть вспененный след, летела по озеру, но, опережая ее, как песня, неслись два слова, повторяемые на все лады:

— Кончилась война!

Орлова, захмелевшего от радостной вести, потянуло к людям. Едва лодка ткнулась носом в прибрежный песок, Орлов побежал туда, где обычно собирались колхозники перед получением нарядов на работу.

Об этом незабываемом дне почти с фотографической точностью Орлов расскажет в одном из стихотворений. Он вспомнит и озеро, и лодку, и два этих долгожданных слова «Кончилась война!», и стихийно возникший митинг, на котором

С пустыми рукавами председатель
Всё речь хотел сказать, как будто спеть,
И молча отворачивался к хате,
А слёзы было нечем утереть.

Пришел, наконец, День Победы, а с ним перед страной открылись новые дали. Нужно было восстанавливать разрушенное. Вчерашние фронтовики жадно брались за дела, по которым истосковались руки. Звонко запели в селах пилы, зазвенели топоры, словно танки в атаку, разворачивались на давно не паханных полях трактора. Артиллеристы вновь становились плотниками, танкисты — комбайнерами, стрелки — хлебопашцами.

А молодого поэта тянуло к стихам о войне. Он входил в новый, пахнувший смолой дом, и вспоминал однополчан, где-то подо Мгой или на днепровских кручах подготовивших своей воинской доблестью этот радостный праздник новоселья. Он с рассвета уходил на ток, где весело тарахтела старенькая молотилка, во все глаза глядел на дружное мелканье вил, а перед мысленным взором его вставали картины атак. Он видел в раскаленной степи памятник, на котором солдат

...всё поднимается с гранатой,
Рвет гимнастерку на груди,

и с новой силой ощущал ответственность за то, чтобы ярко рассказать о воинском подвиге, помочь людям осмыслить его.

Военная тема властно притягивала молодого поэта к своим необозримым берегам, руководила его вдохновением.

Но это не было повторением пройденного. Первые фронтовые стихи Орлова при всей их самостоятельности в значительной мере были свидетельством очевидца, поэтически ярким, но всё-таки лишь репортажем об увиденном и пережитом. В последующих стихах полнее

раскрываются черты характера советского человека, волею судеб оказавшегося на войне. Поэт задумывается над истоками его подвига, пытается познать природу героических деяний народа.

К читателю возвращался герой вчерашних сражений, но уже в новом качестве. Как и прежде, поэт охотно рассказывал о его нелегкой жизни, по-прежнему старательно воспроизводил детали фронтового быта, но теперь, показывая его поступки, он прежде всего хотел сказать, о чем думал солдат, что волновало и заботило его. Солдат в стихах Орлова становился мудрее и как личность интереснее.

Важно отметить, что и манера письма Орлова претерпела заметные изменения. Поэт и прежде избегал звона литавр. Медным и ударным инструментам в его партитуре всегда уделялось самое скромное место. В новых стихах о войне риторический жирок снят почти начисто, конструкция стиха еще более упрощается и не мешает вольному течению мысли.

Стих Орлова становится всё строже, словам в нем тесно, а мыслям просторнее. От этого образ солдата, кажется, прочерчивается уже не пером, а вырубается резцом, приобретая скульптурные черты.

Помню, газета «На страже Родины», где я работал в те годы, готовила номер, посвященный героической блокаде Ленинграда. Мы заказали Орлову стихи. Я знал, что поэт обычно отрешивается от подобных заказов. Человек по натуре обязательный и застенчивый, он боялся подвести редакцию, и эта тревога часто мешала нормальной работе.

А тут Орлов охотно согласился. Было ясно: он уже давно вынашивает стихи.

Поздней ночью он позвонил мне и спросил, как отнесется редакция к стихам о безымянном солдате.

— Понимаешь, о том, последнем, солдате, за которым уже никого нет; либо он выстоит, либо немец ворвется в город.

Я промычал в ответ что-то нечленораздельное, хорошо понимая, что вопрос носит чисто риторический характер, и не для этого Сергей звонит среди ночи.

— Ты не сердишься, что я поднял тебя? Может, послушаешь?

И он прочел стихи, которые появились в нашей газете, а потом и в ряде других изданий:

В земле по грудь под Ленинградом
Шестнадцать лет тому назад
Под пулей, бомбой и снарядом
Стоял у Лигова солдат.

По вражьи выкладкам бесспорным
Он трижды был в тот день убит,
И уцелевшим танкам в город
Был с ходу путь прямой открыт.

С крестом на башне, с пушкой в душу
Пошел, как будто на парад,
До моря потрясая сушу,
Немецкий танк на Ленинград.

А самых храбрых нету рядом:
Они еще с утра легли...
Солдат окинул долгим взглядом
Огонь небес в дыму земли.

Резерв последний полководца,
Один из роты, рядовой, —
Как в гимне партии поется:
«Ни бог, ни царь и не герой», —

Он встал на бруствере траншеи,
Зажав гранату в кулаке
И молодости не жалея,
В разбитом дачном городке.

Ударил столб огня под траки,
И захлебнулся на камнях
Вал бронированной атаки
От Ленинграда в трех шагах.

Примолк железный гул орудий...
Пилоткой пот отер солдат...
А мир считал: случилось чудо
Шестнадцать лет тому назад.

И кто он был — никто не знает,
Не заявил он сам о том,
Но только в сорок пятом в мае
О нем гремел победы гром.

И слава ходит по Союзу,
И подвиг этот не забыт,
А сам солдат пока не узнан,
Никем в народе не открыт.

Он жив, он с нами рядом, вот он!
И он сейчас наверняка
В трамвае ездит на работу,
Пьет в праздник пиво у ларька.

Внимательному взору ясно, что это не просто стихи к дате. Они могли появиться в любое время. Поэту было важно сказать о величии духа советского человека, о том, что подлинный герой минувшей войны — сам народ. Он выполнил свою великую задачу так, как привык делать всё, честно и скромно, и теперь «в трамвае ездит на работу, пьет в праздник пиво у ларька».

Этими стихами Орлов говорил: партия воспитала наш народ так, что подвиг стал будничной нормой поведения каждого.

Я вспомнил об этом стихотворении для того, чтобы подчеркнуть: военные стихи еще переполняли молодых поэтов, не давали им спать по ночам, не позволяли браться за разработку других тем. Нельзя наполнить кувшин белым вином, не вылив красное. А между тем наша критика нередко требовала от поэтов-фронтовиков по существу «наступить на горло собственной песне», обвиняя в том, что они замкнулись в рамках одной темы. Критики не всегда видели, как зрели глубинные процессы в творчестве этих поэтов, не учитывали, что пришло время первых попыток философских обобщений пережитого, время проникновенных бесед с читателем о самом заветном и важном.

Нужно было дать этим мыслям перебродить, выкристаллизоваться. Призыв же критики обратиться к другим темам, спору нет, был искренним, диктовался заботой о литературе, но всё же нередко напоминал подрезание крыльев у птенцов в пору их первого вылета.

Поспешное переключение части молодых поэтов с темы, на которой они выросли, на темы, по-настоящему еще не освоенные, не могло не породить торопливости, противопоказанной литературе. Появилось немалое количество серых, иллюстративных стишков о послевоенном восстановлении народного хозяйства, о великих стройках...

Я хочу быть правильно понятым. Новое время, безусловно, требовало новых песен, и поэты должны были их дать. Советская поэзия в целом всегда была на службе времени, на службе своего народа. Речь идет о другом: иные молодые одаренные поэты еще не успели сказать то, что хотели и должны были сказать.

У них просто не хватило на это времени. Не кончив одного, они под нажимом критики вынуждены были браться за другое. Так появились беглые, почти репортерские зарисовки, где образность подменялась голой публицистикой. В результате урон несла поэзия: она лишалась активных бойцов. Короче говоря, происходило то, что нередко случалось на фронте, когда подразделение, не успев как следует закрепиться на завоеванных выгодных рубежах, неосмотрительно переходило на новые, совсем неподготовленные, и неизбежно несло потери.

Сергею Орлову удалось избежать этой ошибки.

По складу своего характера, особенностям привязанностей он старается не писать о людях, которые, кажется, сами просятся на плакат. Нет, он вовсе не умаляет значения их дел и поступков, воздаст им должное, но душа его отдана другим, людям внешне не броским, занятым работой незаметной, тем, кто чаще всего остается в тени. Чем-то они под стать самому Орлову, человеку лично крайне скромному.

Как-то мы втроем — Орлов, Дудин и автор этих строк — отправились в гости к войнам-десантникам. Они квартировали в древнем русском городе, только что поднятом из руин. Среди кварталов новых красивых домов будто букеты диковинных цветов поднимались яркие купола церквей и церквушек. Было то неопределенное время года, когда зима уже пошла на убыль, а весна еще не набрала силы. Днем ярко светило солнце, и маковки церквей пылали в небе золотыми кострами. На поле приземления еще искрился снег, голубоватый и острый, такой, что слезились глаза.

В подразделении незадолго до нашего приезда про-

изошел из ряда вон выходящий случай. Во время прыжков у одного сержанта отказал парашют, и десантник упал на землю с высоты восемьсот метров, не разбившись. Трудно сказать, чего было больше в этом эпизоде: самообладания или везения. Но факт представлял для нас, газетчиков, несомненный интерес.

Я всячески уговаривал Орлова познакомиться с этим сержантом. Орлов вместе с нами удивлялся чуду, а в подразделение всё-таки не пошел. И всё остальное время он как будто бы и был с нами и одновременно отсутствовал. Что-то, видимо, раньшехватило его настолько, что он уже не мог думать о другом. Вскоре мы узнали причину. В эту поездку он написал два стихотворения — «Семейный альбом» и «Уходит с песней в небо полк».

Оба стихотворения не имеют прямого отношения к факту, о котором шла речь выше. Во всяком случае, непосредственно им не навеяны. Но ассоциативные связи налицо.

В «Семейном альбоме» рассказывается, казалось бы, о будничном, о семейных фотографиях, с которых на нас глядят

По линии мужской знакомо
Три поколения солдат.

Поэт не останавливает нашего внимания на конкретных их судьбах. Биографические черты их обозначены вскользь. Но вот дочитаны стихи до конца, и мы безошибочно определяем: все эти люди — и «дед в шинели, серой, длинной», что «оперся на эфес рукой», и тот, кого «в сорок первом в ранний час» подняла «труба, сыгравшая тревогу», и, наконец, «семьи надеж-

да и броня» — солдат, только на днях сфотографированный «на фоне полкового стяга», — сродни сержанту-десантнику. Они похожи друг на друга, как дети на отцов, внуки на дедов. Ведь

Лет грозных жаркая зарница,
Она одна на все года,
Горит, горит на всех страницах
Пятиконечная звезда.

В этих стихах мы снова видим стремление Орлова к изображению обобщенного характера. Они не о герое-одиночке, а о герое многоликом.

Любопытно проследить, как сделаны стихи «Уходит в небо с песней полк». Каждая точно увиденная будничная подробность (вроде той, что в небо уходят все, «от повара до командира») не просто соседствует, а взаимосвязана с деталью другого ряда, помогающей воссоздать героическое. Как и положено, полк выстраивается «повзводно, ротно, батальонно», но не на плацу, а «в небе голубом». Для десантников полеты — явление обычное, но в этом, для них обычном, мы не можем не видеть — и автор стремится к тому — необычное, из ряда вон выходящее. Он ни разу не вспоминает слова «подвиг», но умелым использованием «земных» и «высотных» понятий добивается нужного ему эффекта:

Там в небе самолетов след,
Как резкий свет кинжальных лезвий,
Дымок дешевых сигарет
И запах ваксы меж созвездий.

В самом деле, вдумаясь в это сочетание «знобкого холодка высот», «резкого света кинжальных лезвий»,

рокошующего «как гром, ночного аэродрома» с «дымком сигарет» и «запахом ваксы», «солью пота», но не где-нибудь в казарме, а меж звезд, и мы непременно восхитимся этой пехотой, которая чувствует себя «в облаках как дома», увидим, что ее будничная «работа» — под стать подвигу.

Такая манера письма выполняет двойную задачу. С одной стороны, она помогает поэту ярче и точнее воссоздать обстановку. С другой стороны, конкретность деталей, некоторая их обытовленность, как и в стихах «Его зарыли в шар земной», нейтрализует в рассказе о героическом почти неизбежную романтическую патетику.

Эта особенность творческой манеры Орлова с годами становится всё заметнее. Поэт совершенствует ее и пользуется чем дальше, тем уверенней.

Героя новых стихов Сергея Орлова со всех сторон обступили будничные, но радостные по самой своей непреложной необходимости дела.

Одна за другой к читателю приходили книги Орлова «Городок», «Светлана», «Радуга в степи»... И по сей день на их страницах чувствуются запахи свежей стружки, земли, поднятой острой лопатой, поют ветры новых морей, разлившихся в еще недавно безводных степях.

Каждая из этих книг была тепло встречена читателями. Каждая говорила о росте молодого поэта. Но удача «Городка» носит принципиальный характер.

Книжка вышла в свет тогда, когда культ личности достиг своего апогея, когда широко декларировалось, что человек — самый большой капитал на земле и одновременно советские люди низводились до положения «винтиков», когда всё внимание уделялось гигантским стройкам, но получалось так, что стройки эти, возводимые ради человека, заслоняли его самого. Спору нет, по этим стройкам действительно проходил передний край послевоенных пятилеток. Поэтов не могли не захватить ширь строительного размаха, «громадьё» наших планов. Берега великих рек, превратившиеся в необозримые строительные площадки, притягивали к себе, и к читателю пошел поток книг о великих стройках. По теме они были нужны, и, конечно, им открывалась «зеленая улица», но нередко по ней же шли к читателю книги не о людях, а о бульдозерах, кранах, экскаваторах. Вместо картин, раскрывающих черты человеческого характера, вместо ярких примет людских судеб и биографий, мы видели сводки о вынутых из котлованов кубометрах земли.

Нужно было известное мужество, а главное — вера в собственную правоту, чтобы не поддаваться соблазну, а пойти иным, своим путем. Это и сделал Орлов в книге «Городок».

В ней поэт рассказывает о жизни маленького северного городка, в котором будни на первый взгляд неприметны, дни текут похожие один на другой, но присмотритесь к ней, зовет нас поэт, — и вы увидите, что труд этих людей так же необходим для успеха великих строек, как и труд тех, кто работает на трассах каналов и на эстакадах плотин, что они, эти скромные труженики, красивы той особой красотой, которая приходит

к человеку, когда труд его осмыслен и необходим народу.

В такие городки в первые послевоенные годы дороги не были проторены литераторами. Орлов был в числе первых, отправившихся туда.

Он пришел в городок, когда герой его новых стихов еще не успел снять выгоревшую на солнце гимнастерку. Его еще «осаждают сны — смутные видения войны. Он кричит, ругается и плачет в мире абсолютной тишины».

Но вот он, вчерашний солдат, седой от пыли дальних походов, «умылся речной водой» и помолодел, навсегда уверовав в то, что «есть на свете живая вода» — та, в которой мать в первый раз искупала его при рождении, та, о глотке которой он мечтал, форсируя Вислу и Одер. Руки его, четыре года державшие автомат или рычаги танка, потянулись к мастерку и рубанку.

Об этом превращении солдата в труженика, вернее о возвращении его к главному делу своей жизни, и рассказал нам Сергей Орлов. «Городок» — книга о людях «незаметных профессий». Но она стала заметной и в творчестве самого поэта, и во всей нашей послевоенной поэзии.

Сравнивая «Городок» с лучшими стихами того времени Александра Яшина, Сергея Смирнова, Евгения Долматовского и многих других авторов книг, написанных на материалах крупных новостроек, обязательно обратишь внимание на одно весьма существенное обстоятельство. Книга Орлова не противостоит им, а при всей своей тематической непохожести удивительнейшим образом дополняет их. Если друзья Орлова писали о переднем крае, то он словно бы показал нам резервы великих строек.

«Городок» населен людьми неприметных профессий, но поэт рассказывает о них так, что великая нужность их дел становится очевидной читателю.

С каждой страницей книги ширится круг нашего знакомства с этими людьми. Вот бакенщик. На его лице — шрам, напоминающий о недавнем военном прошлом. Каждый вечер он вывозит на Шексну огни, и рулевые речных судов вспоминают его в ночи добрым словом. Нам обязательно захочется пожать руку лесоводу с заскорузлыми и грубыми ладонями. Ведь это он вырастил в рыжей степи дубки,

Над каждым он склонялся со стараньем,
Как будто бы он пламень раздувал
Листвы негромкой собственным дыханьем.

А доведется нам приехать на дальнюю стройку, мы с радостью поселимся в общежитии, где «зам и зав, директор и уборщица» простая русская женщина Мария Гавриловна. Она позаботится, чтобы мы спали на чистом, бельешко, если нужно, постирает, и ко времени на работу разбудит. Получив от родных или знакомых фотографию, мы теперь непременно вспомним и о «маленьком, смешном и популярном мастере фотографии», ведущем своеобразную летопись района. Столь же дорога нам Шура Капарулина. Как, вы не знаете, кто она такая? Тогда войдем вместе с приезжим лектором в кабинет председателя исполкома маленького северного городка. Нашу тихую беседу вдруг нарушит ворвавшаяся в комнату машинистка:

— Шура Капарулина поет!

И тотчас в кабинет, в тесные улочки городка хлынет, как паводок, «молодой, грудной, шемающийся, власт-

ный», голос такой дивной красоты, будто «близко пролетело счастье». Пусть приезжий лектор, «оперы любитель, театрал», перебирает в памяти оперных знаменитостей. Напрасно. Это поет Шура Капарулина — «мастерица кружевной артели».

Перспекты и улицы поэзии Сергея Орлова густо населены такими людьми. Агрономы и бакенщики, студенты и экскаваторщики, плотогоны и пекари, — все они — добрые соседи в стихах. Они хотят жить по принципу, провозглашенному в Программе КПСС: человек человеку — друг, товарищ и брат.

Интересны в «Городке» не только портретные характеристики, но и подробности жизни отдаленного городка, приметы быта. Вместе с поэтом мы заглянем в колхозную чайную, побываем на плавучей культбазе, на сцене которой «в тоске по Ромео измучась, прощается с жизнью Джульетта», увидим, как «нестыдные слёзы дрожат... на ресницах» у зрителей — доярок, вязальщиц, жниц, как

Подходят буксиры и разом
Свой ход убавляют на малый,
Чтоб не потревожить культбазу,
Волною не стронуть с причала.

Но особенно дороги приметы человеческих отношений. Орлов охотно пишет о капитанах буксиров, вовсе не похожих на «морских волков», озабоченных тем, чтобы в срок провести плоты, и тем, чтобы на берегу всё было ладно:

Работают молча матросы,
Тоскует на барке гармонь,
А вечером мачты выносят
Под звёзды зеленый огонь.

Скрипучею дрёмой парома
Навстречу пройдет перевоз,
Пахнёт сенокосом знакомо
С парома осанистый воз.

«Ну, как там, Фаденч, с покосом?» —
Картуз приподняв, капитан
С буксира паромщика спросит,
Вглядевшись в вечерний туман.

Партия нацеливает писателей на «укрепление связи с жизнью народа, правдивое и высокохудожественное отображение богатства и многообразия социалистической действительности, вдохновенное и яркое воспроизведение нового, подлинно коммунистического, и обличение всего того, что противодействует движению общества вперед» (из Программы КПСС).

Наша поэзия неплохо выполняет эту задачу. Она ведет летопись нашего времени и основного повелителя его — человека, создателя материальных и духовных богатств своей страны. Эта коллективными усилиями создаваемая картина потому ярка, впечатляюща и многопланова, что в ее создании принимают участие такие разные поэты, как Э. Межелайтис с его пристальным вниманием к глубинным процессам, происходящим в душе человека, никогда не утрачивающего ненасытности в познании окружающего мира, как Б. Ручьев с его проникновенной лиричностью в изображении человека за главным занятием в жизни — трудом, как Вас. Федоров с его «Проданной Венерой» и «Белой рощей», как М. Дудин с его поэмами-исповедями, как С. Викулов, умеющий мужественно рассказывать о том, что в нашей жизни немало трудно преодолеваемого и потому всё еще горького. А сколько бы красок

потеряла эта коллективная картина, если бы не Я. Смеляков с его умением в обычных буднях увидеть высокую романтику и чистоту человеческих отношений...

Кто-то из остроловов пошутил, что Сергей Орлов вошел в поэзию на «третьей скорости». Первая книжка его стихов — «Третья скорость» убеждала читателей в несомненной одаренности автора. Книга «Городок» не просто усиливала эту убежденность. Она свидетельствовала о том, что перед нами — поэт со своим видением мира, со своими взглядами на жизнь, наконец — со своей темой, которая отныне станет для него главенствующей и при раскрытии ее он будет наиболее полно выражать то, ради чего берёт в руки перо.

Однажды в стихах Орлова прозвучала строчка, что ныне «пришел век мастеров». Мы поначалу не обратили на нее внимания. Но она оказалась не проходной, не просто точно сформулированной мыслью, необходимой для данного стихотворения. Эта строчка определила и убежденность поэта и основное направление его дальнейшей поэтической работы.

Последующие книги Орлова не повторяли «Городок» и не столько развивали поднятые в нем темы, сколько освещали всё новые стороны жизни простых людей, помогали нам лучше узнать, чем занят человек, о чем думает он.

Интересно сравнить «Городок» с более поздним циклом стихов «Простые радости». Мы увидим, что поэт остался верен своим привязанностям, что основные герои его стихов не сменили прописку и заняты преимущественно тем же делом, что и несколько лет назад. Но Орлов научился писать так, что каждое дело, которым занят человек, осмысливается читателем

как самое высокое деяние, как подлинный источник простых, но по сути своей непреложных радостей.

Сергей Орлов напоминает о том, что в век космических кораблей и покоренного атома не потускнели извечные ценности: хлеб, кружка молока, глоток воды в жаркий полдень сенокоса, природа, окружающая людей.

Вот несколько строк из «Свежего хлеба»:

Полет ладоней яростен и нежен,
Всё праздничней крутая пляска рук.
Валяют хлеб на кухне, первый, свежий,
Труда и счастья замыкая круг.

Первые строки стихотворения рассчитаны, кажется, только на зрительное восприятие. Но Орлову недостаточно воспроизвести определенную картину. Она нужна ему не сама по себе, а как своеобразный заповедь. С помощью его читатель настраивается на определенный лад и готовится к усвоению мысли. А мысль глубока, — глубже, чем может показаться на первый взгляд. Ведь выпечка хлеба — «не обычная работа. Священнодействием пахнет на столе». И не только потому, что «встречаются здесь грохот обмолота с порой весенней сева на земле». Поэт воспринимает эту простую работу как самое высокое деяние, как завершение длинного и нелегкого цикла человеческих взаимосвязей.

О нем звенит считалка, пляшут дети,
Газеты пишут, и в штормах судеб
Есть мера высших ценностей на свете —
Любовь, как хлеб, и дружба, словно хлеб.

Эти стихи настояны на лучших чувствах, издавна присущих русским людям.

Столь же поэтичны и глубоки по мысли стихи о щак или о кружке, до краев наполненной молоком,

Густым, ромашкового цвета,
Белей любых берез в селе,
Дар утренней зари и лета
На белом скобленном столе.

А доводилось ли вам наблюдать, как на селе выбирают в базарный день гармони? Нет, не простое это дело. Нужно выбрать такую, чтоб вдоволь тешила душу, чтоб «голосиста была и нежна». И Орлов показывает покупку гармошки как важный и торжественный акт:

Выбирают свою, особую,
Среди тысячи голосов
И на слух и на ощупь пробуют
Песню, пляску, грусть и любовь.

И не потому так взыскателен покупатель, что отдает за гармонию свои «трудовые, кровные» рубли. Хорошая гармонь — как счастье, привалившее к человеку. Ведь «гармония — филармония, да и опера сельских мест».

И мытье под праздник полов, и кружка молока, и выбор гармони — действительно простые радости. Но, видно, нужно было нам пройти сквозь войну и невзгоды, чтобы уяснить себе их истинную ценность.

Маяковский говорил: «Стихотворение должно иметь в себе полный политический идейный заряд. Надо, чтобы этот снаряд несся по всей новейшей технике, обгоняя прошлые стрелятельные возможности».

Такой полный политический идейный заряд присутствует в стихах цикла «Простые радости». В этом цикле поэт как бы повернулся к читателю еще одной

стороной. Прежде всего обращает на себя внимание публицистическая заостренность новых стихов. Изменился и подход к использованию приемов публицистики. Прежде, во фронтовых, скажем, стихах, главная ударная сила была в самом факте, о котором писал поэт. Но уже в «Городке» и последующих циклах основной упор делается на мысль. Факт нужен не сам по себе, а лишь как повод для беседы с читателем.

Орлова не назовешь прямым учеником Маяковского. Но где-то в главном, определяющем он ближе к нему, чем иные из поэтов, внешне копирующие стих Маяковского.

Это можно проследить на примере написанного в 1957 году стихотворения «На даче». На нем еще лежит налет фельетонности, поэт еще цепко держится за факт, но взятая тема решается уже не по-газетному, а чисто поэтическими средствами. Стихи насыщены емкими деталями, точными сравнениями.

О чем стихи «На даче»? О том, как герой стихотворения встретился в Москве с фронтовым товарищем и поехал к нему на дачу. «Лакированный зверь на резиновых лапах» быстро совершил прыжок длиной в пятьдесят километров. И вот

Распахнулись ворота тесовые в сад,
Был хозяин радушен
И весел со мною:
«По труду и уют,—
Так ведь, брат, говорят...»
И начальственно
Похохотал над собою.

С каждой строчкой накапливается в стихах заряд сарказма, публицистического гнева, который не просто

бьет, а хлещет, разит наповал. Это достигается с помощью гиперболы, точного отбора эпитетов, ярких бытовых примет. Вот осмотрены дачные владенья, хозяин «похвалился гаражом», «пристройками, крытыми цинком», пригласил к столу, к которому пробивался «айсберг домашний» — холодильник, «тяжелыми едами полон». А хозяин всё упивался собственным благополучием. Где же ему заметить, как мрачнел гость. Но и поэт не торопится с выводом. Он обстоятельно рисует обстановку, и мы тоже начинаем задыхаться на даче. И вот, когда мы окончательно подготовлены, выносится приговор:

Я не бил в этом доме посуду,
Не бил,
Я не хлопал дверьми в этом доме,
Не хлопал!
Сам хозяин
Калиткой за мной отрубил
То, о чем мы когда-то
Мечтали в окопах.

Нет, ни одной минуты не станем мы задерживаться на такой даче. В ней как в тюрьме, и поэтому — скорей за ворота, где ни солнце, ни воздух, ничто не заграбастано жадными руками, скорей туда, где «день был днем, миром — мир и простором — простор, он шумел, не привыкший сдаваться на милость».

Нет, не таким представлялось поэту счастье. Счастье не нужно окружать забором, «чтоб копить его молча, укрывшись за ним от прямых, ничего не прощающих взоров».

Что же такое — счастье? Сергей Орлов отвечает на этот вопрос почти в каждом новом цикле своих стихов, в каждой новой книге.

Еще во фронтовых стихах, до сих пор в широкой печати не опубликованных (они появились в армейской газете «Ленинский путь» 17 ноября 1943 года) Орлов написал о зависти, которую все мы, воины Ленинградского и Волховского фронтов, испытывали к нашим товарищам с южных фронтов, уже в полной мере испытавшим радость стремительных наступательных операций. Эти стихи назывались «Счастье». Они заканчивались строчками:

Вот так сражаться, позабыв про отдых,
Пешком, на танке, на коне в седле,
В осенние дожди и непогоды —
Нет выше счастья на родной земле!

Это были пусть не совершенные, но очень точные по мысли стихи. Под этими строчками могли подписаться все его однополчане.

Настоящее человеческое счастье огромно и многообразно, говорит поэт в других, более зрелых своих стихах. Оно не выдается по карточкам, а добывается нами всюду, где мы живем и трудимся не только в собственное удовольствие, но и для блага других, наконец — когда мы с наибольшей полнотой осознаём себя сынами и дочерьми России.

В последнее время у нас много говорят о гражданственности поэзии. При этом чуть ли не все авторы статей цитируют строчки Н. А. Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Авторами статей руководят самые лучшие стремления. И всё-таки, анализируя иллюстративный материал многих статей, нельзя не заметить его односторонности, некоей тематической и смысловой ограниченности. Хотя того иные авторы или нет, но получается у них так: если стихи о родине, о коммунизме, если они направлены против тех, кто мешает нам работать и жить, — это стихи, настоянные на гражданственности.

Перечитаем стихи признанных мастеров нашего поэтического цеха. Публицистична ли «Страна Муравия» А. Твардовского? Это настолько очевидно, что сам вопрос кажется риторичным.

Воссоздавая перед нами глубинные процессы, медленно и тяжело происходившие в сознании крестьянина-середняка Моргунок, с молоком матери хорошо усвоившего, что такое «мое», и не понимавшего, как можно быть счастливым «нашим», Твардовский ни разу не поддался соблазнам декларативности. А как, казалось бы, заманчиво было воспользоваться ею, имея в виду, что поэму будут читать и такие мало подготовленные читатели, как Моргунок. Ведь лозунг им тогда был понятней, чем поэтический образ. Однако поступить так значило бы изменить поэзии.

У Орлова есть немало стихов-откликов, стихов, написанных по поводу важных политических событий, к датам. Чаще всего они написаны, как говорится, «на уровне». Они публицистичны, политическая мысль, заключенная в них, не только правильна, но и обладает поэтической силой воздействия на читателя. И всё-таки многих из этих стихов мы не увидим в сборниках поэта, а если и увидим, то переработанными. Иногда на такую переработку затрачивались годы.

Я уже говорил, что друзьям поэта памятны его ночные звонки:

— Послушай, стишок сочинил.

Глухой голос долго рокочет в трубке. На другом конце собеседник слушает и молчит. Видимо, только очень хорошие стихи можно понять и по достоинству оценить вот в таком чтении. Пытаешься что-то сказать, просишь повторить строчки, остановившие внимание, но Орлов в этом первом и для себя чтении уже многое, если не всё, понял. Эти стихи завтра он не покажет вам. Через неделю ему уже самому не разыскать клочков бумаги, на которых они были нацарапаны карандашом. Невольно пожалеешь, что не успел записать их. Ведь какие-то строчки были написаны по-настоящему.

— Неужели не вспомнишь, Сережа?

— А, пустое, — отмахнется он.

А через год или два вдруг положит на стол стихи:

— А ну-ка, почитай, вышло, нет ли?

В этих, уже отлично сработанных, стихах часто обнаруживаешь строчки, о пропаже которых когда-то горевал.

Накапливание «наблюденного и добытого из жизни» идет у Орлова обычно медленно. Говорят: «дорогá ложка к обеду». Но важная политическая мысль, послужившая толчком для начала работы, не утрачивает своей остроты, если она возвращается к читателю облеченной в поэтическую форму, если она доносится в ярких образах.

«Поэт и газета» — тема, уже достаточно хорошо изученная. Ей посвящены статьи, книги, диссертации. Но и без них поэзия давно завоевала прочное место на газетной полосе. В этом проявляется не только

признание партией силы стихотворной строки, но и боевитость, партийность поэтического отряда нашей литературы. В одном из своих стихотворений С. Орлов метко заметил, говоря о молодом пополнении своего цеха: «Идут в поэзию, как в партию».

Эти строки кажутся взятыми из автобиографии поэта. Он сам пришел в поэзию, чтобы вершить большое, общечеловеческое, а значит, партийное дело.

По складу характера, особенностям дарования Сергея Орлова не причислить к трибунам. И тем не менее его приход в газету был естественным и закономерным. Естественным — потому, что поэт искал широкой аудитории. Закономерным — потому, что высокая гражданственность — одна из наиболее отличительных черт его поэзии.

В нашей критической литературе бытует термин «газетные стихи». Термин правильный, точный. Но порой его используют для оправдания слабых стихов. Сколько раз в ответ на критику иных произведений, опубликованных в газете, слышим:

— Что ты хочешь? Это же газетные стихи!

«Газетные» в этом контексте значит — стихи второго сорта. Между тем газета в наше время стала одним из главных мест встреч поэта с читателем. Газета многое сделала для того, чтобы увеличить ряды любителей поэзии, а у самих поэтов еще больше развить чувство ответственности за каждое выступление с этой высокой трибуны.

Публицистика всегда была и остается острейшим оружием советской поэзии. Но это вовсе не значит, что правильный лозунг может оправдать плохую рифму, а яркий факт — подменить образ. Наоборот, чем важ-

нее лозунг, чем злободневнее факт, взятый поэтом для разговора с читателем, тем выше, совершеннее должна быть художественная оснастка стиха. Только при этом обязательном условии поэтическое слово, слетев с газетной полосы, найдет горячий отклик в сердце читателей.

Я перебираю в памяти лучшие стихи Сергея Орлова. Почти все они увидели жизнь на газетном листе. Многие родились в результате тесного общения поэта с редакциями газет. После каждой поездки по стране или за ее рубежи Орлов приходит в редакцию. Его острые наблюдения часто оказываются полезными для газетчиков. В свою очередь, газета учит его точно и четко формулировать мысль.

Не будучи штатным сотрудником газеты «На страже Родины», Орлов принимал активное участие в подготовке отдельных номеров, вместе с нами ездил в командировки, писал стихотворные подписи под снимками. Но если серьезно оценивать его работу в газете, то, конечно, нужно говорить прежде всего не о стихах, написанных по заданию, а о тех, когда редакционное задание совпадало с душевным настроением поэта или когда стихи рождались не по заданию, но удивительнейшим образом совпадали с тем, что требовалось газете.

Хочется выделить несколько газетных стихов Орлова.

На страницах газеты «На страже Родины» в послевоенные годы широкие права гражданства получил особый вид передовой статьи. Это были передовые, написанные в стихах Орловым в содружестве с Дудиным. Мы называли такие статьи заповедом номера. И они

действительно задавали тон всему, с чем газета обращалась к читателям.

Это были стихи о Первомайском празднике, о Новом годе, о годовщине Советской Армии, о празднике Победы. Особенно памятливы мне стихи «Победа», — о той нашей победе, которой «нет конца и края», ибо она «на тыщи лет, навеки, она на праздники и будни», «на то, что есть, на то, что будет».

Высоким публицистическим накалом отличалась передовая, напечатанная в газете 1 января 1958 года. Говоря об ушедшем только что годе, поэты писали:

За дымкой лет в дали невыразимой,
В расцвете эры покоренья звезд
Звучать он будет, как любимой имя,
И волновать в подробностях до слёз.
Всё будет ново, близко в нем и свято,
И пламенем одним озарены
Предстанут там труды вдовы солдата
С трудами академиков страны,
Штык война и споры до рассвета,
Слова Цека и на полях страда,
И надо всем стальной снежинкой света
Вокруг земли летящая звезда!

Опыт «На страже Родины» был подхвачен и развит «Ленинградской правдой». Она тоже широко использует содружество Дудина и Орлова.

Законы газеты, ее высокая оперативность нередко ставили авторов в крайне сложные условия. Бывало, идея передовой рождалась в самую последнюю минуту, когда до выхода номера оставались не дни, а буквально часы. И всё-таки в подавляющем большинстве случаев Дудин и Орлов с честью справлялись с заданием.

Об этом свидетельствует широкий читательский интерес к их выступлениям, многочисленные письма.

Передо мной одно из них.

«Я не знаю, кто такой Сергей Орлов. — пишет рядовой В. Сивко. — И стихи не любил. Думал: «Мурá всё это». А вот прочел его «Семейный альбом» и задумался над всей своей жизнью. Лет мне немного, а жизнь прожил — хоть роман пиши. Семья у нас большая, дружная, а я сбежал из дома, шатался по свету и водился с шантрапой. В армию попал из колонии. А здесь с «губы» — гауптвахты, значит, — не выходил. В роте говорили, я там прописан. Прочитал стихи и подумал: неужели в нашем семейном альбоме, где хранятся фотографии погибшего на войне отца, убитого под Варшавой старшего брата, не найдется и мне местечка? Неужели мать или сестра никогда не покажут гостям фотографию с моей личностью и не скажут с гордостью: «Это наш Володя»? Горько мне стало, и я пишу это письмо, будто бы черту подвожу под своей прежней жизнью».

Поздней осенью 1961 года в одном из пригородных домов отдыха основную часть отдыхающих составляли ветераны партии. Одним из них посчастливилось выполнять задания В. И. Ленина, другие были опытными пропагандистами, начинавшими работу в марксистских кружках, третьи в прошлом руководили комбедами, возглавляли крупные партийные организации.

В Москве завершалась подготовка к XXII съезду партии. Естественно, что предстоящий съезд был главной темой всех наших разговоров.

Нередко у нас возникали споры о литературе, о поэзии в частности. Старые коммунисты судили о ней

со знанием дела. Мастера политической агитации, привыкшие ценить каждое слово, обращенное к народу, они резко критиковали иных поэтов за поверхностное решение отдельных тем, политическую трескотню.

В день открытия съезда к нам пришла «Ленинградская правда» со стихами Дудина и Орлова. Не без тревоги я ожидал, как мои новые друзья отнесутся к стихам моих старых друзей. Стихи пришлись по сердцу читателям, — пришлись потому, что поэты смогли найти слова, находившие отклик у читателя. Их высокий публицистический пафос не коробил риторикой: он исходил из богатого подтекста, был пронизан волнением, которым тогда жили все советские люди.

А на следующий день поэты приехали к нам. Над крохотным озерком курился туман. Косматое солнце цеплялось за верхушки высоких сосен, а на земле, бурой от опавшего листа и иголок, лежали блики, будто наступавший вечер укрывал ее на ночь пятнистым одеялом.

Мы бродили по лесу, говорили о разном, но снова и снова возвращались к тому, что происходило в московском Дворце съездов. Мне всё казалось, что Орлов примеряется к новым стихам, которые должны появиться завтра как бы в развитие тех, что были написаны сообща с Дудиным накануне. Эти строчки действительно хотелось воспринимать как прелюдию к главным, еще не написанным, но, верилось, зреющим:

Грядущее! Ты плоть страны и кровь
Ее забот, стремлений и свершений.
В тебе свою стремительную новь
Повсюду воплотит народный гений.

Ты к нам придешь не с высоты небес,
Ты станешь хлебом, светом, солнцем, жизнью.
И коммунистов соберется съезд
В Москве, в Кремле, уже при коммунизме.
Восторжествует братство, мир и честь.
И коммунисты, обратясь к планете,
Строку из гимна вместо «Это есть»
Споют на съезде «Это был последний».
Одной судьбой, одной души настроем
Торжественно наполнится эфир,
И вместо слов «Мы новый мир построим!»
В нем зазвучит «Построен новый мир!»

Во имя осуществления этой мечты Сергей Орлов пролил свою кровь во время войны. Во имя ее он живет и трудится сегодня.

Однако как ни злободневны стихи, о которых шла речь выше, не ими прежде всего определяется публицистический накал поэзии Сергея Орлова. Он никогда не надеется на то, что тема, мол, выручит, политическая острота факта прикроет поэтические несовершенства. Вот почему, мне кажется, гражданская лирика Орлова — область особенно упорных поисков и счастливых находок. Гражданственность Орлова как советского литератора проявляется в самых разных направлениях. Я выделю только одно — его стихи о Родине.

Песня о родной земле нарастает в стихах Орлова от книжки к книжке. Это даже не песня, а своеобразная симфония. Симфония эта многопланова, богата вариациями, программность ее акцентирована с предельной четкостью. Симфония звучит то широко, раздольно,

и тогда мы слышим в ней тяжелую поступь танков, идущих в атаку, веселый рокот тракторов, поднимающих целину, то мелодию ведут только скрипки, передающие песенку жаворонка, взлетевшего в белесоватое июньское небо и торопящегося всем рассказать, до чего же прекрасна родная земля. Песенка — то веселая и звонкая, то чуть с грустинкой, несет в себе запах лугов и аромат дымка от русских печей — того дымка, из которого ранний осенний вечер прядет за околицей причудливые ткани и развешивает их по дорогам да низинам.

Начало симфонии — в стихах о родном Белозерье. Много довелось Сергею Орлову поездить по свету. Он проехал всю Волгу, бывал на строительстве Волго-Дона, бродил по Ферганской долине, вместе с латышскими друзьями любовался узенькими улочками старой Риги. У него много приятелей в Праге, а теперь они появились и во Вьетнаме. Но для него, как и для всех нас, родина, большая, необъятная, начинается с отчего дома, с яблоневого ветки, норотившей поутру, когда мать распахивала окно, ворваться в тесную комнатушку, с гудка парходика, не пропевшего — сказавшего о том, что на свете есть много интересных дорог, много удивительных мест, и всё это — тоже твоя Родина.

Орлов отнюдь не идеализирует родные места. Он признаёт, что нет в них особых достопримечательностей, кроме разве древних церквей, где со стен проступают росписи, сделанные «веселым грешником Дионисием». Правда, еще леса здесь сказочные. Сосны да ели стоят как великаны, и чтобы увидеть их вершины, нужно лечь на землю, пряно пахнущую хвойной осыпью и клюквой. Тогда покажется, будто бескрайнее небо

с уснувшими на нем белыми облаками покоится на вершинах вот этих сосен и елей.

Что ж, Вологодчина еще не открыта туристами так, как другие области нашей страны. И Орлов не в обиде за это на туристов:

Не скажу, что — самый лучший,
А милей всех сердцу край!

Зато своих друзей Орлов усиленно приглашал в Белозерье. Одним из первых туда отправился Михаил Дудин. Он возвратился замороженный и природой и встречами с земляками Орлова, привез с собой ворох частушек и веселых вологодских побасенок, а вместе с ними — большой цикл собственных стихов «Вологодское лето».

И мне захотелось поскорее отправиться на Шексну-реку, посидеть вместе с рыбаками под высокими звездами упряно пахнущих костров, заехать в ничем не знаменитый и даже не на все карты нанесенный городок Белозерск, где по весне «запорошила кровли черемуха цветом снежным», поглядеть, как в городском саду «ситцевый ветер веселья по желтым дорожкам летит». Но каждый раз дела и заботы мешали такой поездке в край поэзии Сергея Орлова. А когда она всё-таки состоялась, мне захотелось заново перечитать его стихи. Теперь в них увиделось многое из того, что раньше оставалось незамеченным. Я убедился, что Орлов не просто хорошо чувствует природу. Он обладает завидным умением точного пейзажного письма. На лесных опушках, излучинах рек, маленьких железнодорожных станциях и глухих пристанях я понял, что многие пейзажи Орлов написал с натуры.

И еще я понял, как важны для самого поэта эти постоянные поездки в родные края. Помните его стихи «Живая вода»? Она, вода родной реки, помогла обрести вечную молодость солдату, возвратившемуся из дальних походов домой. Она целебна для всех.

Так бывает с русским человеком:
Час придет — родимая земля
Через океаны, горы, реки
Позовет к отцовским тополям.

Видно, истинным волшебством обладает наша русская природа, если способна так заражать нас бодростью духа, жаждой труда и любви! А может, не в природе тут дело, а в нас самих, доверчиво и широко открывающих сердца прекрасному?

Как-то в Михайловском я проследил за молодежной экскурсией. Вначале парни и девушки, следуя за экскурсоводом, почти не слушали его. Они равнодушно переходили с места на место, без умолку болтали, вели себя развязно. Но вот, выйдя из домика-музея и увидев темное ожерелье Сороти, повисшее между озерами на широкой груди золотых в ту пору года лугов и полей, они примолкли, зачарованные. Потом заново, словно впервые, обошли все уголки заповедника, сами открывая то, о чем им рассказывал экскурсовод. Я подумал: поездка в Михайловское для этих ребят стала уроком, на котором мудрый учитель — природа высек в их душах еще одну искру. Раздуй ее, и ярко разгорится светлый огонек любви к прекрасному.

А разве так бывает только в Пушкинских горах!

Об этой силе нашей природы хорошо сказал Сергей Орлов в стихах, написанных в мае 1945 года:

Облако за месяц зацепилось.
За рекой кричали поезда,
Ничего такого не случилось,
Только грусть пропала без следа.
Просто захотелось оглянуться,
Постоять у моста, у воды,
До неба тростинкой дотянуться,
Прикурить сигарку от звезды,
Услышать травы произрастанье,
Трепет заполюночных планет
И еще того, чему названья
В нашем языке, пожалуй, нет.

Влюбленный в родную природу, поэт старается увлечь этим чувством читателей. И он достигает цели потому, что умеет рассказать об увиденном просто, но так, что строчки не только воссоздают определенную картину, но и рождают особое настроение:

Я знаколюсь с мудрою природой
По первоисточникам с утра,
Рву цветы, беру в ладони воду,
Проверяю легкими ветра.

Впрочем, кто из поэтов, живших в разные времена, не писал о природе! О ней будут писать всегда. И читателям, видимо, никогда не надоест знакомиться с этими произведениями, если каждое будет не перепевать написанное ранее, а открывать то, что еще вчера тебе не было известно.

Такой зоркостью обладает Орлов. Но не одна она красит его стихи. Важное достоинство их, по-моему, состоит в том, что почти в каждой строке о природе непременно присутствует человек. Мы видим его отношение к окружающему, заражаемся его восторженностью, стремлением дорожить этой красотой, беречь ее, пере-

дельвать, если нужно, чтобы она полнее отдавала свои щедроты людям. Орлов убежден:

Я верю, что земли краса
Вся —
Дело человеческих рук.

Во время поездок «к отцовским тополям», в край, где он услышал первые звуки своей песни о Родине, поэт как бы снова и снова проверяет инструментовку стихов, ищет новые краски, раскапывает в кладовых народа-языкотворца слова, которые позволили бы ему лучше, ярче сказать о своей любви. Впрочем, нет нужды говорить об этом подробно. Проще предоставить слово самому поэту:

Кто же первый сказал мне на свете о ней?
Я никак не припомню сейчас.
Может, первый назвал ее имя ручей,
Прозвенел по весне и погас.

Мог сказать бы отец, но я рос без отца.
В школе мать говорила, обучая детей.
Я не слышал, я ждал лишь уроков конца, —
Дома не с кем меня оставлять было ей.

А вокруг только небо, леса и поля,
Пела птица-синица, гуляли дожди,
Колокольчик катился, дышала земля,
И звенел ручеек у нее на груди.

Может, птица-синица, береза в лесах,
Колокольчик с дороги, калитка в саду,
В небе радуга, дождь, заплутавший в овсах,
Пароход, прицепивший на мачту звезду,

Рассказали, как это бывает, о ней,
Но тогда я, пожалуй, был робок и мал.
И не знал языка ни синиц, ни дождей,
Я не помню, кто мне о России сказал.

Но тема Родины всё нарастает. Она развивается не только вширь, но и вглубь. Поэт растёт вместе со своим читателем, старается всё глубже осмыслить и величие наших дел и красоту творцов их.

Это особенно ярко проявилось в стихах, впервые напечатанных в «Правде», и с той поры постоянно прописанных в хрестоматиях, сборниках, отрывных календарях. Это стихи «Россия — родина моя». Хочется отметить в них не только слитность точно выраженной политической мысли с яркостью поэтической формы, многокрасочность образов, но и ту особую проникновенность интонации, ту степень откровенности и вместе с тем сдержанности, которые так присущи русскому человеку, когда он говорит о самом дорогом:

Ты стала всем в моей судьбе,
А мне за жизнь свою, признаться,
Как к матери, в любви к тебе
Не доводилось объясняться.

Советский человек варит сталь, пробивает в тайге дороги, лечит детей, летит к звездам. И всё это он делает как самое важное свое дело, просто, без рисовки, без стремления преувеличить результаты собственного труда. Конечно, всё сделанное им — он понимает — идет на благо Родины. Но ведь он и сам не мог бы нормально жить, если бы в этом труде не видел первой потребности, основного выхода собственной энергии, инициативы.

Только в момент особого торжества, великого взлета человек наш окинет мысленным взором всё сделанное им и удивленно воскликнет: «До чего же здорово мы потрудились!» Вот точно так не написал, а буквально выплеснул из сердца это стихотворение Сергей Орлов:

Я гением горжусь твоим,
Что с правдою навек сроднился,
И ты славна уже одним,
Что Ленин у тебя родился,
Что всем народам ты своя,
Россия — родина моя!

Эти стихи появились тогда, когда на страницы наших газет и журналов хлынули стихи, путевые заметки, дневники туристов, побывавших за границей. Спору нет, многие из них были не только интересны, но и поучительны. Но была и такая литература, при чтении которой в глазах рябило от частого восклицательных знаков. Нашлись отдельные авторы, поспешившие содрать с головы кепчонки, чтобы не удивиться — поклониться увиденному. В стихах о России Орлов не вступал в прямой спор с этого рода авторами, но объективно его строки звучат как ответ им. Впрочем, не только эти! Несколько позже поэт снова вернется к этой теме и уже не будет скрывать полемическую заостренность своих стихов:

Вот говорят: была отсталой Русь!
А не она ли родина свободы,
Я навсегда с той Русью остаюсь
С вершинами семнадцатого года.
Такого взлета духа и ума
И мужества история не знала.
Она взяла за образец сама
Рожденные той Русью идеалы.

В числе первых советских туристов Орлов совершил путешествие вокруг Европы. Он тоже приехал переполненный впечатлениями. Много дней подряд он рассказывал друзьям о том, что видел. Мы просили его написать свои впечатления для газеты, но Орлов решительно отказался.

Прошло время, и он сам принес в редакцию, но не очерки, а стихи, навеянные путешествием. На первой странице был заголовок: «Акрополь». Это были стихи про холмы Эллады. Поэта потрясли «в небе полные солнца колонны». Но, любясь ими, он вдруг вспомнил свой акрополь, свой первый город — Белозерск, в который много лет назад въехал сам «мальцом вихрастым», на всю жизнь пораженный тем, как «стены сахарные над валом, золотые луковки в тучах лента радуги обвивала».

Были в этой подборке и другие стихи о загранице. Они были об увиденном, и в то же время — о своем, родном. Почти в каждом — образ России, во всех — гордость за свою страну, «где с детства воздух революции пронизан молниями лет».

Я не собираюсь противопоставить позицию Орлова позиции тех поэтов, которые много писали о своих заграничных впечатлениях. Авторы этих впечатлений тоже чувствовали себя там «полпредами нашей страны» и радовали читателей хорошими стихами. Мне хотелось лишь подчеркнуть одну особенность Орлова: даже за границей он не переставал питаться вдохновением, почерпнутым на родной земле, а новые впечатления помогали ему еще лучше написать о своей любви к России.

Тесно связана с песней о родной земле другая тема, тоже нередко звучащая в стихах Орлова на высоком публицистическом уровне. И в этих стихах мы находим отголоски споров, проходивших на разного рода совещаниях, диспутах, а иной раз и просто на страницах журналов.

Несколько лет назад в нашу поэзию пришло новое пополнение, в основном — люди одаренные, способные, с сильно развитым вниманием к стихотворной форме. Они быстро приобрели популярность. Однако некоторым молодым показалось этого мало. То ли в погоне за известностью, то ли из-за вполне понятного стремления говорить с читателем на острые темы, некоторые из этих товарищей охотнее всего писали о наших недостатках.

Отсутствие жизненного опыта, твердых идейных позиций порой приводило их к результатам, неожиданным, надо полагать, и для самих авторов: кокетство оборачивалось фронтёрством, желание приковать внимание к недостаткам, действительно имевшим место, — к критиканству. Случалось, мы читали стихи, очень четко написанные с точки зрения формы, но согласиться с содержанием их никак не могли.

Неуменьше за деревом увидеть лес, дать верную оценку факту, превращало некоторых поэтов в скептиков, они брюзжали по всякому поводу. Так появлялись такие строчки, как

Два часа неправдашней жизни
Двести грамм заменяет ему.

ИЛИ

Грамм по сто, может, нам поставить,
Так сказать, на повестку дня?

Каждое стихотворение Орлова о Родине и ее людях — это острый штык, нацеленный в приверженцев подобных взглядов. Орлов пишет для людей и о них. Он не закрывает глаза на недостатки, не проходит мимо них. Но, как правильно считает поэт,

...об этом надо не только уметь,
Надо право иметь сказать.

Он умело пользуется этим правом, добытым в бою, и борьба эта, начатая в болотах подо Мгой, продолжается сегодня на страницах газет и журналов, на трибунах литературных вечеров, всюду, где передовой отряд советской поэзии борется за души людей, помогая воспитанию активных творцов жизни, радостной и светлой.

У С. Орлова немало стихов, обжигающих душу нелицеприятной правдой. Но ни в одном из них поэт не ставил своей целью пощекотать нервы читателей острым фактом.

Однако это вовсе не значит, что поэт стремится уйти от разговора с читателем на острые темы или приукрашивает нашу действительность. У него немало стихов о горестях и бедах. Они захватывают своей искренностью, опаляют сердце, но вместе с тем рождают уверенность в том, что зло будет побеждено, недостатки преодолены.

Вспомним, к примеру, стихи «Земляки». Встретились два старых друга, сели к столу и начали тот разговор о наших бедах в деревне, когда важны не слова, а то, что лежит у каждого на сердце. И мы, читатели, подключаемся к этому безмолвному разговору, ибо мысли друзей — это и наши собственные мысли.

Мы разделяем звучащую между строк уверенность, что пройдет время, и трудом народным всё будет поставлено на свои места, жизнь станет лучше.

Есть очень грустные стихи у Орлова «Вечер стихов в колхозе». Грустные — о светлом, о маленьком празднике в колхозном клубе, где весь вечер звучат стихи. Грустные потому, что в разгар вечера вошли в клуб три женщины. У них

На темных лицах, как на негативах,
Белели брови, выгорев дотла,
Но каждая из них, видать, красива
Когда-то в девках, в юности, была.

Они отдали без сожаленья «полям и детям» всё — и красоту и молодость, когда несли на своих плечах вместе с другими солдатками все тяготы нелегкой военной страды, но так и не дождались с фронта мужей. Мы читаем про них и отчетливо понимаем, что невозполнима их личная потеря. Сердце наше сжимается, и мы понимаем, почему поэту перед лицом этих трех женщин «пустыми показались» собственные сочинения, «расхваленные критикой в статьях». Уловив, что происходит на душе у солдатских вдов, поэт откладывает в сторону все стихи и начинает, словно бы для них одних, читать только фронтовые. Пусть все знают, какими замечательными парнями были их мужья!

Эти стихи — не просто зарисовка с натуры. Они помогают нам ближе и лучше узнать поэта.

Сергей Орлов привык «все свои печали и сомненья

нести на люди, обращаться к ним». Ему недостаточно заклеить носителей дурного метким словом. Он стремится сам — и нас приглашает к этому — разобратся в сути поведения людей, помочь им увидеть ошибки.

У нас написано бесчисленное множество стихов, фельетонов, статей против стилистов и лоботрясов. Орлов одним из первых взял свой тон в разговоре об этих молодых людях. Он написал, например, коротенькое стихотворение «Бабетта» — о многостаночнице с текстильной фабрики, которой страсть как хочется красивой быть и внешний вид которой — просто неудачная оправа для небольшого может быть, но — всё-таки чистого драгоценного камушка.

Мне вас очень жалко, непутевые,
Черт-те что творящие с собой.

Поэту очень хочется помочь подобным людям, ибо он видит в них не внешнее, а то, что запрято глубже и что можно и нужно отмыть, открыть,

Чтобы вы могли в себя уверовать,
Слабость и бездумье превозмочь.

Именно горячая заинтересованность в том, чтобы заблуждающиеся люди стали на ноги, придает стихам Орлова особую проникновенность и силу.

Как не вспомнить в связи с этим поэму «Одна любовь». Поэма — жанр, пока менее всего освоенный Орловым. Ниже будет сказано об этом. Но сейчас хочется поговорить о направленности поэмы, ее полемической заостренности.

На стихах о любви поэты всегда оттачивали свое мастерство. О любви написаны горы книг. Но каждое новое поколение стихотворцев приносит в разработку этой старой и вечно новой темы что-то свое. Эти стихи, как никакие другие, пожалуй, создают особое магнитное поле, вызывающее сильные ответные токи у читателей.

Если попытаться одним словом охарактеризовать стихи о любви Сергея Орлова, точнее, чем «целомудрие», не подобрать. Это стихи о чистоте и нерасплеканности настоящего чувства, стихи об уважении и верности. Конспективно это прочитывалось еще во фронтовых стихах. Герои их — солдаты — нередко вспоминают любимых, тоскуют, пишут письма девушкам, как и положено мужчинам, говорят о них сдержанно, но словами особыми — добрыми и нежными. Какими бы разными ни были эти стихи, они пронизаны светом уважения к женщине, пониманием того, что и ей нелегко ждать солдата, что сердце полно тревоги: как бы судьба сберегла милого от вражеской пули.

«Голос первой любви» — так называется одна из книг Сергея Орлова. Мы не найдем в ней стихов о неверных женах, о тайнствах любви, роковых страстях. Любовь в понимании Орлова — это дар, который вручается человеку как очень высокая награда именно за человечность, за то, что он сумел сберечь в сердце святое и чистое.

Тонко и проникновенно написаны стихи, давшие название всей книжке. В них всего двенадцать строк, но сказано так много, что перед нами предстает не только человек с четко обозначенными чертами харак-

тера, не только символ его веры, но и высоко развитая способность видеть краски окружающего его мира. Вспомним эти стихи:

Голос первой любви моей — поздний, напрасный —
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть
И звучит до сих пор обещанием счастья.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

Над горящей землей от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже, чем умереть,
И в бинтах все березы, в крови все рябины...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первых губ, как ожог, не стереть...
А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть,
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

Не нужно производить микроскопического анализа, чтобы увидеть, как и чем эти стихи отличаются от произведений иных поэтов, которые тоже охотно пишут про любовь, но почему-то обязательно пахнущую коньяком, изуродованную изменами, подозрениями, скандалами.

Любовь в поэзии Сергея Орлова — дом просторный. Окна его обращены к солнцу.

Интересен замысел поэмы «Одна любовь». Орлов долго вынашивал его, писал и переписывал куски поэмы по многу раз. Он хотел рассказать о первой любви, которой помешала война. На долгих четыре года расстался герой поэмы с любимой. И что это были за годы! Как он мечтал о встрече с девушкой, с которой, думалось ему, ходил вместе в атаку, засыпал у костра.

И вот выпало счастье: они встретились. В их распоряжении всего несколько минут. Оказалось, есть время молчать, читать стихи Пушкина, но не найти коротенькой секунды, чтобы сказать одно слово, выношенное за все четыре года войны. И вот снова судьба сводит их на своих широких дорогах.

Мы не встречались с нею восемь лет,
Лет пять мы не слышали друг о друге.
Из-под ее ресниц прохладный свет
Ко мне метнулся в радостном испуге...

Статна, горда, лукава, смущена,
Передо мною вся открыта свету,
Как даль весной, она и не она
Над всем стояла и ждала ответа.

А что ответить ей теперь, когда у каждого за плечами своя жизнь, со своими обязанностями и законами? Можно ли пренебречь ими?

Мы не раз встречались с таким вопросом в нашей послевоенной литературе. Читали и ответы. Со многими соглашались. Нередко нас коробило ханжество. Бывало, мы просто старались поскорее перелистать страницы, повествующие о том, как он и она жадно «наверстывали упущенное», воровски встречаясь на чьей-то квартире.

Герой «Одной любви» не хочет довольствоваться этим, хотя долгие годы он мечтал, чтобы

И женщина, прекрасна и щедра,
Передо мной костром взлетела алым
Навек, на ночь, до самого утра...
Как это много и как это мало!

Ведь не украсть, не дать, не взять взаймы,
Не выпросить, не разделить на части
День добрый лета, осени, зимы,
Лишь «здравствуй» есть и нет «прощай» у счастья.

Не спеша ведет нас поэт вслед за своими героями. Он не поучает нас, а рассказывает об истории этой любви так, чтобы мы вместе с ним пришли к выводу. А вывод может быть только один, он подготовлен развитием не только поэмы, но и всей любовной лирики Орлова:

Бывало я довольствовался малым:
Теплом махорки, пайкою ржаной,
И счастлив был, а тут мне горько стало
За нас обоих в тишине ночной.

Зачем туманить правду наших лет,
Нам никуда от них вовек не деться!

К этой чистой правде ведет нас поэма. Она — за честность и красоту отношений, за уважение и понимание жизни такой, какая она есть, а не выдуманной.

Приходится лишь пожалеть, что интересный замысел поэмы осуществлен не до конца, что вещь эта, к сожалению, — неровная.

Жанр поэмы, повторяю, еще недостаточно освоен Орловым. Ему не хватает умения строить сюжет, четко прописывать интересно намечаемые линии. Этот недостаток был замечен еще в «Светлане» — первой поэме Орлова. Чувствуется он и в опубликованных отрывках из поэмы, посвященной Э. К. Циолковскому. Что же касается «Одной любви», то здесь более всего досадно,

что перед нами оказался не живой портрет героини, а скорее схема.

Слабости поэмы обнаруживаются и в самой конструкции. Отдельные части ее не пригнаны друг к другу достаточно плотно. И раньше сюжетное начало в стихах Орлова не было сильно развито, — по своему характеру они ближе к лирическому монологу. Поэма же была задумана как сюжетная. Но раз пульс сюжета порой не только не прощупывается, но и вовсе исчезает, вещи в целом не хватает динамики, логической связи в развитии ее отдельных частей.

Зато те главы, где царствует мысль, авторские размышления, не просто запоминаются, а буквально захватывают нас, заставляя даже знакомое явление увидеть с какой-то новой стороны.

Кстати сказать, Орлов всё больше тяготеет в лирике к раздумьям, к философскому осмысливанию совершенно конкретных явлений. Его излюбленная философская идея — установление сопричастности каждого из нас к великим и малым свершениям эпохи.

Любопытно в этом отношении перечитать стихотворение «Второй», вызвавшее в свое время немало споров и некоторыми читателями истолкованное неверно. Им казалось, что поэт принижает величие первооткрывателя, значение его подвига. Но подумать так можно лишь при невнимательном чтении:

Дорогу делает не первый,
А тот, кто вслед пуститься смог,
Второй.
Не будь его, наверное,
На свете не было б дорог.

Чем пристальней мы будем вглядываться в строчки, тем понятнее станет, что поэт отнюдь не умаляет значение «первого». Ему воздается должное. Величие его, между прочим, и состоит в том, что он «лишь второго ради мог всё снести, мог пасть в пути». Во имя «вторых» сгорел на костре Галилей, погибали физики, ища пути проникновения в атом, проливали кровь на баррикадах наши деды. Но бесплодными оказались бы все их усилия, если бы за ними не вставали другие, если бы идея, рожденная в уме гения, завтра не становилась бы знаменем миллионов. «Второй поднялся! Значит, рота и вся Россия за спиной».

В этих стихах нет прямой переключки с «Городком» или более ранним «Его зарыли в шар земной». Но убеждения автора, его привязанности остаются прежними. Орлову важно сказать сегодняшнему читателю, особенно когда он обращается к молодым людям: тебе не доводилось возводить первые наши домны в Магнитке, строить Комсомольск-на-Амуре, ходить в атаку, но и на твою долю хватит славных дел; выполни их честно, и народ не забудет тебя.

Таков подтекст этих глубоких по мысли стихов. Они адресованы всем читателям, но в первую очередь молодым.

Сколько раз на литературных вечерах, в ходе диспутов в молодежных аудиториях мы слышали сетования юношей и девушек на то, что они, мол, поздно родились и всё героическое сделано без них. Стихи «Второй» помогают молодежи глубже осмыслить свое место и свою роль в жизни.

Кажется, совсем иная тема стихов о Бартоломее Диасе и изобретателе колеса. Но приглядимся внима-

тельней и увидим, что поэт дальше развивает мысль, высказанную во «Втором».

Кто такой Бартоломей Диас? — спрашивает поэт. Одни пожимают плечами: «Дался он тебе», другие отвечают: «Испанец, раз Диас», третьи гадают: «Может быть, футболист?». О нем сегодня знают немногие. Впрочем, даже вскоре после того, как в XV веке в Лиссабоне отгремел звон колоколов в честь Диаса, первым обогнувшего Африку, о нем сразу же забыли. Но ведь «мир шире стал, чем был, для всех для нас». Вот в чем заслуга ныне забытого португальца. В этом — и великая ему награда.

Примерно эта же мысль в стихах об изобретателе колеса:

Кто был изобретатель колеса?
Никто не знает. Все о нем забыли.
В каком краю, когда он родился?
Ни имени не помним, ни фамилии.

А ведь он был, ходил по земле, под теми же звездами, этот «великий гений, неизвестный малый». Рычаги, крылья, сочленения человек мог подсмотреть в окружающей природе; колесо можно было только придумать. Величие этого изобретения не зачеркнули все новейшие научные открытия и технические чудеса. Мы не знаем имени изобретателя. Но он всегда с нами, ему — наше постоянное уважение. Он — частица народа, и, думая о нем, мы славим могучий ум и щедрую душу народа.

«Второй», изобретатель колеса и другие герои последних стихов Орлова интересуют поэта не только

сами по себе, а прежде всего потому, что в них воплощаются простые и вместе с тем удивительные черты, характеризующие уже не столько индивидуальность, сколько гений народа.

Эти стихи-размышления появились у Орлова не случайно. Они подготовлены всей его предшествующей работой. Ими намечается, как мне кажется, очень важный и плодотворный поворот в его творчестве.

Поэзия Орлова становится мудрее, всё больше учит читателя думать. И читатель обращается к ней как к верной спутнице. С ней в дороге будет, может быть, и не всегда легко, но обязательно интересно. Поэт не пригласит вас сделать остановку на станциях, где вы побывали уже не раз и о достопримечательностях которых уже написано другими. Он советует смотреть вперед или дальше по сторонам. Там вас ждет то, что позволит обогатить память новыми полезными знаниями, расширить представление об окружающем мире.

Ведь поэзия — это «езда в неизвестное», она вся построена на открытиях, и читатель настоящей поэзии всегда чувствует себя в какой-то мере Колумбом: он отдает себя волнам поэзии ради того, чтобы в конце плавания обязательно воскликнуть: «Земля!» И дело не только в том, что поэт призван открывать читателю «новые качества знакомого предмета». Поэт должен заставить глубже чувствовать, шире мыслить, полнее понимать явления, обогащать себя знаниями.

Настоящая поэзия никогда не бывает просто чтивом для развлечения. Она непременно предполагает в читателе способность мыслить, что-то знать и узнавать.

Представим себе человека, плохо знающего историю и впервые прочитавшего такие строчки Маяковского:

Пришла,
Пирует Мамаем,
задом на город насев.
Эту ночь глазами не проломаем,
черную, как Азеф!

Образный строй, а значит, и мысль этих строк не дойдут до него. Но вот читатель узнал, кто такой был Мамай, какой кровавый пир устроил он после битвы, наконец, услышит про черные деяния провокатора Азефа, и поэзия этой строфы откроется ему во всей своей могучей силе.

В последнее время и у Орлова появляется всё больше стихов, непременно предполагающих у читателя высокую подготовку, способность к самостоятельному мышлению.

Помнится — как всегда, впервые по телефону — я услышал стихи Орлова «Птица Сирин». Они мне понравились по настроению, упругому ритму, чеканной отделке. Но при знакомстве на слух совершенно не воспринимался смысл двух весьма важных рефренных строк:

Птица Сирин в уши там поет
Голосом далеких и любимых.

Не воспринимался смысл потому, что птица Сирин не сразу вызвала в памяти нужное понятие. Достаточно же было вспомнить, что так называли сирен, известных нам по греческой мифологии, как тотчас

вспомнились и странствия Одиссея и то, почему он приказал замазать себе уши воском, когда проходил вдоль манящих берегов, подходы к которым были усеяны скрытыми водой смертоносными рифами. При повторном чтении раскрылось всё богатство мысли, заключенное в стихах, центральный образ обрел плоть и кровь.

Я привел эти примеры для того, чтобы показать, как расширяются границы поэзии Сергея Орлова. Однако поэт делает в этом направлении лишь первые шаги. Не всегда он добивается успеха. Порой его подстерегают неудачи. Они обычно появляются тогда, когда, увлеченный яркой мыслью, поэт торопится ее записать и послать читателю, предварительно не пропустив через собственное сердце.

Нечто похожее случилось с интересными по замыслу стихами о ленинских местах. Поэт прав, утверждая, что «места, где Ленин был когда-то, не просто памяти места», что они особо ценимы нами, что сюда мы приходим для того, чтобы и отдать должное вождю и заразиться особым настроением, нужным для совершения завтрашних дел.

Всё это так. Но стихи не излучают токов, способных нас по-настоящему взволновать, ибо изобразительные средства их не отличаются оригинальностью и яркостью. Мысль оказывается слишком иллюстративной и, как ручеек в песке, не успев пробиться, чахнет.

Можно говорить и о других неудачах Орлова. Они объясняются тем, что поэт всё время в пути, в поиске, а разведка всегда связана с потерями. Важно, что поэт

ищет, смело берется за решение всё более трудных тем, учится на собственных ошибках. В этом — залог его будущих и, надо полагать, еще более радостных успехов.

По ходу рассказа мы не раз заглядывали в творческую лабораторию поэта. Сейчас нам предстоит еще раз задержаться в ней.

У разных поэтов — разные методы работы. У одних процесс творчества начинается лишь тогда, когда они садятся к столу и видят перед собой чистый лист бумаги. Другие вынашивают строчки подолгу. Стол им требуется лишь для того, чтобы записать уже готовое стихотворение. Орлов, пожалуй, не принадлежит ни к тем, ни к другим. Основные усилия он тратит на то, чтобы, как сам он любит говорить, «придумать стихок», то есть вдруг увидеть его как бы весь сразу, словно на фотографии, от первой строчки до последней. Пусть где-то печать окажется нечеткой; важно запечатлеть, как мысль, родившая вдохновение, разместилась на отведенной ей «жилплощади» стихотворения. И только после этого начинаются поиски нужных красок, более точных слов, рифм.

Читатель, должно быть, обратил внимание на то, что еще во фронтовых стихах стало заметно особое пристрастие Орлова к крупномасштабным образам. Солдаты на марше у него «от сапог до плеч в пыли» и идут не по дороге, а «по лону всей земли». Когда нужно показать ночной танковый маршрут, он снова не тратит много слов на описание, а только указы-

вает: «ночь сама по фронтовым настилам, гремя железом, на врага идет». Подвиг рядового защитника, погибшего за Родину, столь велик, что его не положили в обычную могилу, а «зарыли в шар земной», и вся земля стала ему мавзолеем.

Орлов умеет живописать словом. Это умение проявилось у него рано. На него обратил внимание еще К. И. Чуковский, когда в 1939 году в статье, напечатанной в «Правде», говорил о творчестве школьников. Чуковскому очень понравились стихи Орлова про тыкву, которая лежит на солнцепеке, разомлев от жары, «и кажется, вот-вот от счастья громко хрюкнет и хвостиком махнет».

Искусство так подбирать слова, чтобы каждое имело свою краску и во взаимосвязи с другими воссоздало перед читателем сложную картину, будило его воображение, увлекало мыслью, — искусство сложное и драгоценное для поэта. Собственно, в этом и состоит мастерство.

Еще известный русский литературовед А. А. Потебня говорил, что поэзия — «искусство мышления образами». Это точное определение. Многократное подтверждение ему мы найдем в стихах любого настоящего поэта, в том числе и у Орлова.

Всего две строки понадобилось ему, чтобы нарисовать картину лета:

Вот черносмородинной картечью
У реки обстреляны кусты.

Прочитав их, мы уже дорисуем остальную картину, представим себе и время года и место действия.

А вот описание ранней весны:

Как белые лебеди, спины
Купая в прозрачной волне,
Последние ломкие льдины
Плывут по широкой Шексне.

Тут каждое слово поставлено на место и несет строго определенную смысловую нагрузку. Льдины, похожие на белых лебедей, — не очень свежий образ. Может быть, он и не «сработал» бы, если б поэт им ограничился. Однако он хочет показать нам стремительное течение начавшей шалеть Шексны и подчеркивает, что льдины купают спины в волне. Ведь на спокойной воде для того, чтобы искупать спины, лебедям нужно нырять. Очень точно сказано о льдинах, что они «ломкие». Значит, перед нами — не самое начало ледохода, а, пожалуй, конец его, когда лед становится ноздреватым и льдины крошатся с легким бормотаньем, будто ссорясь с водой.

Есть у Орлова стихотворение «Песенка». В нем поэт рассказывает, как рождается чудо поэзии:

Рыжий дождик бегал с ветром взапуски,
Речку затопили небеса,
Солнце по небу ходило запросто,
Но происходили чудеса.

С неба лес спускался к речке лесенкой,
Колокольцы падали с весла,
И нехитрая, как полдень, песенка
В том краю родилась и пошла.

В чем же чудо этого рождения, почему с песенкой

«сдружились плотники и пахари» и «услыхав ее, баяны ахали даже в самом песенном селе»?

Орлов отвечает на этот вопрос самими стихами. Всё в них как будто бы просто: интонация, ритмика, рифма. Но посмотрите, как экономно и вместе с тем безошибочно создает поэт настроение, необходимое для восприятия «чуда». Дождь получает несколько необычную на первый взгляд, но при ближайшем рассмотрении очень выразительную рыжую краску. А ведь он действительно при солнце бывает рыжеватым, и уж, конечно, такой, веселый, он вполне может бегать взапуски с ветром. Вторая строка поначалу, казалось бы, останавливает наше внимание своей неожиданностью: «речку затопили небеса». Небесам будто бы присваивается несвойственное им качество. Но, вспомните, сколько раз, проходя по берегу, вы видели в воде облака, словно небо опрокинуло их в реку. Эта строчка напоминает нам то, чему мы не раз бывали свидетелями. Настроившись после первой строфы на определенный лад, мы потом сами торопимся навстречу волшебству и не удивляемся уже тому, что «с неба лес спускался к речке лесенкой», что с вёсел падали не обычные капли, а такие звонкие и веселые, что их иначе, как колокольцами, пожалуй, не назовешь.

Крайне трудно препарировать эти строчки, разъять их на составные части, ибо при самом бережном прикосновении можно нарушить особую атмосферу их, созданную не только образами, но и такой расстановкой слов, при которой каждое несет не просто смысловую нагрузку, но и оттенок настроения, чувства.

С помощью всего этого и создается особая атмосфера поэзии, тот настрой, который позволяет каждому

Закончены сборы на рыбалку. Осталось только закурить и —
в путь.

читателю в известной мере чувствовать себя соавтором поэта.

У Сергея Орлова — бесконечное множество соавторов. Это целое поколение наших людей, зрелость которых наступила на полях Великой Отечественной войны. Полпредом этого поколения поэт и пришел в литературу. Когда он говорит «я», «мы», «он», — это не только сам поэт, не только его друзья, о которых он хотел написать, но значительно более широкий круг людей. Это в значительной мере все фронтовики.

Но почему же стихи Орлова с таким интересом читают и молодые люди, те, что не слышали оружейных раскатов и родились уже после того, как они, эти залпы, отгремели? Конечно, прежде всего потому, что в них запечатлены с большой художественной силой картины солдатской жизни. Но не только поэтому. Рассказывая о войне, Орлов писал об общечеловеческом, о мыслях и чувствах, волнующих всех. И чем дальше шел он в своем развитии, чем глубже разрабатывал темы, тем шире становился круг друзей его поэзии.

Высокая политическая закалка — оружие, определяющее силу писателя. Но, как и каждое оружие, оно проверяется в действии. В лаборатории поэта оцениваются и вырабатываются новые приемы использования его, выверяется позиция, позволяющая добиться наибольшего результата в поставленной цели.

Орлов избегает декларировать свое политическое и художественное кредо впрямую. Чаще всего оно — в самой ткани его произведений, нередко прочитывается в подтексте. В этом тоже состоит одна из особенностей его творческой манеры. Поэт боится громких фраз,

деклараций. Однажды, откликнувшись на приглашение «Литературной газеты», он начал писать стихи с изложением своей программы. Стихи не получились, и, не дописав их, он отложил перо. Исписанные листки по обыкновению куда-то запропастились, и только недавно мне удалось в своем архиве найти одну страничку с первоначальными набросками. Я приведу эти строчки, ибо, несмотря на всё их несовершенство, они отвечают на прямо поставленный вопрос: для чего поэт берёт в руки перо.

Всё мне в этом мире интересно,
Потому что я хозяин сам
Поездам, смородиннику, песням,
Пароходам, рекам и лесам.
Я не странник и не соглядатай,
Русый житель городских квартир
С выправкой бывалого солдата.
Мною завоеван этот мир.
Я хочу, чтоб он перед глазами
Встал такой в стихах из-под пера,
Чтобы выходили со стихами
Парни, как с напарником, с утра,
Чтоб, хотя неясный в очертаньях,
Он предстал потомству и донес
Времени горячее дыханье,
Красоту работы и берез!..

Творчество поэта, особенно лирического, нельзя рассматривать вне его собственной жизни. Лирика всегда автобиографична.

В самом деле, можно ли представить поэзию Пушкина, если вытравить из нее биографические черты? А стихи Есенина? Да ведь все они — написанная на одном дыхании биография человека. Допустим на мину-

Михаил Дудин был редактором первой книжки Орлова; он же — автор первого дружеского шаржа на поэта.

ственной жизни вне дел, тревог и радостей своих земляков и побратимов.

Существует ходячее выражение: всё, что хотел сказать писатель, он сказал своими книгами. Это так. Но каждая новая книга — это не только итог прожитого и передуманного, не только станция назначения. Она и станция отправления. Время, как дежурный по станции, который вручает машинисту жезл, открывает перед писателем новые семафоры. Зеленые огни призывно горят впереди, будоражат воображение, заставляют мысль снова биться, нетерпеливо и взволнованно.

Уже напечатаны рецензии на последнюю книжку. Высказал свой приговор и читатель: книжка исчезла с прилавков магазинов, не залеживается на библиотечных полках.

Это радует, конечно, Орлова, как и каждого автора. Но он неохотно говорит об этом. И дело тут не в элементарной скромности. Просто он отчетливее, чем кто бы то ни было другой, видит, что последняя книжка могла быть не то чтобы лучше, а всё-таки другой. Что-то в ней осталось недосказанным, что-то написано не теми словами. Друзья успокаивают его, но сам он может утешить себя только тем, что сядет к столу и запишет только что рожденные строки, — видимо, как раз те, которых, ему кажется, не хватает в вышедшей книжке.

Двадцать лет назад на лесной поляне под деревней Дусево Сергей Орлов впервые читал свои стихи друзьям-фронтовикам. Минувшее время было для поэта порой поисков, удач, огорчений, то взлетов, то оцепенения мысли, когда никакая сила не была в состоянии заставить его взяться за перо. Видимо, каждому писа-

телю знакомы эти приливы и отливы вдохновения. В последнее время у Орлова они несколько участились. Друзья объясняют это тем, что у поэта появились обязанности, требующие много времени и сил. Может быть, это и так.

Но главная причина, мне кажется, состоит в другом. Наше время предъявляет повышенные требования к каждому.

Сергей Орлов всегда был требовательным к себе. Он — самый строгий судья тому, что пишет. И чем больше растет его популярность, тем взыскательней он к своим стихам.

Мы поднимаемся к нему на шестой этаж дома на Малой Посадской. У поэта нет рабочего кабинета в том виде, как это принято. Он обычно работает, присев на краешек стула. А рабочий стол завален письмами, чужими рукописями. Во всех углах стоят разной величины удилища, напоминая о давней и непреходящей страсти рыболова.

Орлов радуется приходу друзей, возможности покинуть стены этой комнаты, где со всех сторон на него, словно бы с укоризной, смотрят переплеты книг его товарищей по перу. Их так много, что собственные тонут в этом море песчинкой.

Вместе с нами он выходит на улицу, на тенистый Кировский проспект, идет по Кировскому мосту, заколдованному голубоватой невской водой. И вот уже распахивается перед нами радостной ширью своей Марсово поле. Мы вливаемся в поток спешащих и гуляющих ленинградцев. Я искоса поглядываю на Орлова. Он, как и все, оживлен. Что-то остановило его внимание. Он говорит о чем-то, но то и дело я ловлю себя

на мысли, что вот тут-то, в уличной сутолоке, его самый лучший рабочий кабинет. Стены его всё раздвигаются. Они уже включают студенческую аудиторию, где поэты сегодня читают стихи, и цех завода, и скамью на бульваре, где режутся в шашки пенсионеры. Поэт идет в этот необозримый рабочий кабинет не скуки ради. Он рвется в него, еще не зная, чем загорится его мысль, как ляжет на бумагу. Но она загорится, и тогда кто-нибудь из нас будет разбужен поздней ночью телефонным звонком:

— Ты не спишь? Хочешь, стишок почитаю?

*Дмитрий Терентьевич Хренков
„Сергей Орлов“*

*Общественный редактор А. И. Павловский
Художник Ю. А. Петров
Художник-редактор О. И. Маслаков
Технический редактор И. А. Акиндинова
Корректор И. Е. Блиндер*

Сдано в набор 23/III 1964 г. Подписано к печати 29/V 1964 г.
Формат бумаги 70 × 108^{1/2}/₃₂. Физ. печ. л. 3. Усл. печ. л. 4,11.
Уч.-изд. л. 3,59. Тираж 5 600 экз. М-08263. Заказ № 444

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография им. Володарского Лениздата,
Фонтанка, 57

Цена 11 коп.

